

БОРИС БАТЫРШИН

ЗАГАДКА ТЕТРАДИГИТУСА

**КНИГА
СЕДЬМАЯ**

Коптский крест

Борис Батыршин

Загадка тетрадигитуса

«ИП Каланов»

2022

Батыршин Б. Б.

Загадка тетрадигитуса / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2022 — (Коптский крест)

Седьмая книга из цикла «Коптский крест». Попаданцы и их друзья пытаются разгадать тайну происхождения межвременных порталов. Для этого Иван Семёнов со своими друзьями отправляется в Лондон – им предстоит раздобыть сведения о местонахождении древнего артефакта, похищенного бельгийским авантюристом ван дер Стрейкером для британской разведки. А тем временем отец Ивана отправляется на юг Франции, чтобы найти секретное убежище эзотерического ордена «Золотой Зари»...

© Батыршин Б. Б., 2022

© ИП Каланов, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Борис Батыршин

Загадка тетрадигитуса

© Борис Батыршин, 2022

Пролог

*Российская Империя,
Кронштадт.*

Издали воздушный корабль походил на толстую, слегка изогнутую колбасу с широкими плавниками-килями в кормовой оконечности. В таком виде он напоминал то ли рекламные дирижабли, то ли аэростаты воздушного заграждения, сторожившие в небо столицы в далёком сорок первом.

Семёнов опустил бинокль. Вот уж действительно – «в далёком...» Когда сегодня утром он заглянул в стоящий на столе календарь – на нём значился сентябрь 1888-го года. Девятнадцатый век, и до событий, потрясших Россию, а заодно и весь мир, ещё очень далеко.

Впрочем, это ещё как посмотреть. Здесь могут случиться – и непременно случатся, не стоит испытывать иллюзий! – другие, свои потрясения.

Знать бы ещё, какие...

– На стендовых испытаниях мотор работал исправно два часа без перерыва. – говорил стоящий рядом молодой человек в тужурке инженерного ведомства, обращаясь к лейтенанту Никонову – теперь уже капитану второго ранга, поправил себя Олег Иванович. Растёт старый знакомый, растёт – того гляди, ещё одну звёздочку словит на погоны.

– ...затем обнаружилось сильное разогревание масла, – продолжал инженер, – вследствие чего произошла порча картера. Вчерашний пробный полёт длился часа полтора, мотор работал, как часы. Вот и сегодня они в воздухе почти час, и рапортов о неполадках пока не поступало.

Семёнов покосился на говорившего. Один из «новоприбывших» попаданцев – звали его Александр, Шурик, и лет ему было около двадцати восьми. Айтишник по специальности и авиаинженер по зову души, он решительно отверг предложение барона Корфа заняться компьютерными премудростями в офисе Д.О.П. и напросился к дяде Юле в помощники. Быстро вошёл в курс, внедрил к немалому удивлению Костовича, проектирование и разработку отдельных узлов воздухоплавательных аппаратов на компьютере и очень скоро стал незаменимым.

Познакомиться с ним Олег Иванович толком не успел. А вот о бурной деятельности, развёрнутой другим «новоприбывшим», Юлием Александровичем Лерхом, семидесятилетним

инженером-механиком, заведовавшим до выхода на пенсию пенсии учебной лабораторией в одном из московских ВУЗов, он был немало наслышан. Мало того, что старик сумел пропихнуть через открывшийся на считанные секунды половинку старых «Жигулей», гружёную массой полезных технических приспособлений, от физических приборов до солидного запаса недорогой электроники – он ещё и оказался настоящим мастером на все руки. Эдаким Левшой и Кулибиным в одном лице с поправкой на век научно-технического прогресса. Включившись с энтузиазмом в работу Костовича, Юлий Александрович поначалу долго мучился с попытками довести до ума грандиозный проект аэроскафа «Россия», напичканный передовыми для своего времени техническими решениями но увы, труднореализуемый на практике – пока не сумел убедить сербского самородка «урезать осетра», взяв за основу работы проверенную временем британскую конструкцию лёгкого патрульного дирижабля мягкого типа. Результат их совместных усилий сейчас плыл на высоте двенадцати тысяч футов над батареей «Князь Меншиков» со скоростью около тридцати узлов, успешно справляясь со встречным трёхбалльным ветром. Спроектированный и построенный в рекордные сроки, аппарат получил название «Новороссия»; ещё два его близнеца, «Гатчина» и «Таврида», были заложены в ангаре при охтинской казённой верфи, и должны войти в строй до конца года. Бензиновые двигатели для них в количестве пяти штук (совместная разработка Костовича и дяди Юли, в основу которой положен движок, снятый с мотоцикла «Днепр», трофея прошлогодних уличных боёв в Москве) собирали сейчас на Обуховском заводе. Пока из деталей, заказанных в Германии, но дядя Юля клялся и божился, что в течение полугода, года, от силы, их изготовление наладят и в России – пусть и крошечными, установочными сериями по две-три штуки в месяц.

Воздушный корабль снизился, описал широкую дугу над мачтами кораблей, стоящих на бочках в Военной гавани, и поплыл по направлению к узкому молу, где на стылом сентябрьском ветру выстроились зрители. Теперь и без бинокля хорошо различалась висящая под корпусом гондола с кургузыми рулями высоты в кормовой части, позади которых неспешно перемалывал воздух большой пропеллер. В передней части гондолы чернели крошечные головы аэронавтов. Сейчас «Новороссия» особенно походила на британский «блимп» из числа тех, что в годы Великой Войны охотились за германскими субмаринами на подступах к островам Метрополии.

Здесь, подумал он отстранённо, до этой войны остаётся ещё больше четверти века. Да и состоится ли она вообще? Слишком много изменений уже произошло... и ещё произойдёт. Например, государю Александру Александровичу, прозванному в народе Миротворцем, полагается сейчас маяться от болезни почек, вызванной страшным сотрясением при железнодорожной катастрофе на станции Борки, когда взрыв бомбы отправил императорский поезд под откос, и император, подобно мифическому атланту, держал сминающуюся вагонную крышу, давая выбраться из смертоносного хаоса жене и детям. Но здесь этой катастрофы не случилось, государь вполне здоров, что напрочь опровергает измышления иных историков о том, что причиной смертельной болезни стала отнюдь не травма, а банальный алкоголизм.

Так что, хочешь – не хочешь, а неповоротливая телега мировой истории со скрипом сменила колею, и теперь катится... знать бы ещё – куда?

«...Кстати, о государе...»

К молу, немного опередив приближающийся дирижабль, подходила трёхмачтовая винтовая яхта «Царевна». Этот элегантный кораблик британской постройки начинал службу четырнадцать лет назад, в качестве «собственной его императорского высочества государя наследника паровой яхты». После вступления Александра Третьего на престол «Царевна» сменила статус, став личной яхтой императрицы Марии Фёдоровны, совершавшей увеселительные морские прогулки по Финскому заливу. Случались, впрочем, и исключения – например, год назад государь выбрал яхту своей супруги (в девичестве Дангмары Датской) для неофициального

визита в Копенгаген, где состоялась его встреча с датским и сербским «коллегами»¹. Но это дело прошлое, а сейчас на флагштоке «Царевны» плещется жёлтый, с чёрным имперским орлом и длинными синими косицами брейд-вымпел – знак того, что лицо, которому этот вымпел принадлежит, находится на борту, но «не желает получить салюта». Государыня Мария Фёдоровна изволит наблюдать за полётом воздушного корабля, управляет которым её родной сын. Сам же государь следит за этим событием с борта стоящего на рейде крейсера «Владимир Мономах». В подобной отстранённости есть смысл – полёт считается пробным, практическим, так что инженер Костович, как и барон Корф, курировавший «воздухоплавательный» проект от имени своего департамента, сочли пока преждевременным придавать ему чересчур официальный статус.

Дирижабль неторопливо, со снижением проплыл над Военной гаванью, развернулся, отработав реверсом, и направился к «Царевне». Семёнов поднял бинокль – со шканцев воздушному кораблю махали сложенными зонтиками женщины в светлых платьях, предназначенных для морских прогулок. Государыня Мария Фёдоровна в компании фрейлин изволит приветствовать лихие воздушные подвиги сына.

В ответ из гондолы вырвались, разбрасывая красные и зелёные искры, две сигнальные ракеты. На пирсе зааплодировали, в воздух полетели матросские бескозырки, фуражки и офицерские шляпы.

Тоже, между прочим, знак происходящих тектонических изменений, подумал Семёнов. И фокус даже не в дирижаблях с прорывными для текущего уровня развития техники двигателями внутреннего сгорания и бортовыми радиостанциями. Дело в том, кто сидит в гондоле, в цесаревиче Георгии. В прошлой версии истории, третий сын императора Александра был, как принято говорить здесь, «слаб грудью» – страдал от хронического туберкулёза, который в итоге и свёл его в могилу. Но сперва болезнь поставила жирный крест на его флотской карьере – во время кругосветного путешествия в 1890-м году, в Бомбее, он слёг с сильнейшим приступом и вынужден был вернуться в Россию.

Здесь же болезнь удалось победить на ранней стадии благодаря противотуберкулёзному препарату, массовый выпуск которого наладил ещё один попаданец, старинный друг Олега Ивановича, доктор медицины Колесников. В результате юный Великий князь сумел отличиться в заграничном походе на клипере «Разбойник» и канонерской лодке «Кореец», во время которого русским морякам пришлось померяться силами с новейшим крейсером Роял Нэви «Комюс». Кроме того, он всерьёз увлёкся такими техническими новинками, как радиodelo и воздухоплавание, и теперь бредил созданием воздушного военного флота. Достижения Георгия были замечены и по достоинству оценены Государем, его отцом, в результате чего юноша был объявлен наследником-цесаревичем, потеснив при этом старшего брата Николая. Тот воспринял подобное изменение своего статуса чуть ли не с облегчением, несказанно удивив этим двор, Петербург, да и всю Россию – но только не Семёнова. Олег Иванович хорошо помнил «предыдущую версию» истории и ту роль, которую сыграл в ней Николай Второй. Не в последнюю очередь – из-за того, что всегда относился к своему положению самодержца, как к нежеланному бременю и обузе.

– У цесаревича сегодня праздник. – негромко заметил Никонов. – Всем известно, как он мечтал об этом полёте. И вот, пожалте бриться: летит, и ещё как летит!

Семёнов кивнул. О страсти Георгия ему было известно, считай, из первых рук: из рассказов сына, который вместе со своим закадычным другом Николкой Овчинниковым сблизился с цесаревичем ещё в Морском Корпусе. Во время недавнего похода эта связь стала только силь-

¹ Это событие описано в четвёртой книге цикла, "Дорога за горизонт".

нее; молодые люди всерьёз строили планы стремительного развития российской науки и техники.

– А у вашего-то сына как дела, Олег Иванович? – Никонов словно прочёл мысли собеседника. – Наверное, снова в Морском Корпусе?..

– Как бы вам сказать... – Семёнов покачал головой. – Не совсем. Барон предложил ему и его друзьям принять участие в секретной программе своего Департамента – и те не нашли ничего лучшего, как согласиться. В Джеймсов Бондов им вздумалось, видите ли, поиграть, соплякам...

Часть первая

Пойди туда, не знаю куда,

I

1889, апрель Англия, Портсмут.

Группа «Алеф» на задании.

Стылый весенний ветер пронизывал до костей даже сквозь пледы, которые принёс прямо на палубу стюард. Варя закуталась в шерстяную ткань, так, что торчал только кончик носа – так и стояла, обхватив себя руками за плечи. Иван старался держаться независимо и мужественно: перекинул угол пледа через плечо и жалел только, что у пояса не висит палаш с витым, в форме корзинки, эфесом. Тогда он смотрелся бы как настоящий хайлендер – вроде шотландских гвардейцев в алых мундирах и высоченных медвежьих шапках, стоявших по обе стороны

от парадного трапа королевской яхты. Сейчас яхта «Виктория и Альберт», шлёпала плицами колёс в паре кабельтовых² от «Новой Каледонии», обходя строй эскадры.

Низкое дождевое небо нависало над Портсмутским рейдом, сливаясь у горизонта со свинцовыми водами. Старая добрая Англия – туман, дождь, клетчатый твид... и броненосцы. И золото, конечно: жёлтым металлом тускло блеснул берег в руках одного из джентльменов, беседовавших у борта, под выгнутой на манер лебединой шеи, шлюпбалкой. Тот, что повыше в цилиндре и плаще-макинтоше; второй, коренастый, с простоватым круглым лицом, опирается на трость чёрного дерева. Вместо цилиндра – котелок, головной убор, недавно вошедший в моду в деловых кругах Лондона.

Такова она, Британия. Элегантность и неброский вкус во всём: и в круглом, слоновой кости, набалдашнике трости, инкрустированной скромным серебром, и изящных обводах винтовых корветов, маячивших за бронированными утюгами Ройял Нэви.

Броненосцы изрыгали залпы, приветствуя королеву. Пушечный рык заглушал величественные звуки «Правь Британия...» Над рейдом плыли клубы сизого порохового дыма. Орудиям вторили зрители – не хуже фанатов «Манчестер Юнайтед» на финале Лиги Чемпионов. Варя с Иваном отчаялись перекрикивать канонаду и восторженных подданных Её Величества.

На королевский смотр в Портсмут съехалась праздная публика из Хэмпшира, Лондона, со всей Южной Англии. Но если бы кто-то попытался отыскать на «Новой Каледонии» пассажиров из простонародья, то его ждало бы горькое разочарование. Рядовые клерки из Сити, владельцы пабов и мелкие торговцы колониальными товарами любовались мощью флота с бортов пароходиков, буксиров, рыболовных шхун и прочей плавучей мелочи, битком забившей гавань. Роскошная яхта, принявшая на борт родовитых гостей и семьи офицеров Королевского Флота, заняла место в стороне от плебейской водо плаваю щей мелочи, в стайке таких же элегантных красавиц. Приглашения на «Новую Каледонию» отпечатаны на плотной бежевой бумаге с золотым обрезами; под силуэтом яхты, в обрамлении геральдических символов – затейливая надпись:

«The Royal review at the personal invitation of Vice-Admiral of the Royal Navy, Sir Geoffrey Thomas Phipps Hornby».*³

«Личные гости вице-адмирала, вон оно как! Любопытно, как Корф сумел раздобыть столь солидные приглашения? Впрочем, персонал посольства Российской Империи (и, в первую очередь, наверняка имеющийся тут резидент военно-морской разведки) в Лондоне наверняка не зря ест свой хлеб, и уж с такой пустяковой задачей им справиться по силам...»

Он посмотрел карточку на просвет, любясь водяными знаками. Королевские львы и единороги чередовались на них с цветками чертополоха и хитро переплетёнными буквами латинского алфавита.

Под факсимильным оттиском с подписью вице-адмирала, вписаны имена и титулы тех, кому, собственно, выданы приглашения. Троюродный племянник и внучатая племянница господаря Черногории Николы Первого Петровича, не больше и не меньше! При разработке легенды барон беззастенчиво воспользовался родственными связями Николки Овчинникова по линии матери – та приходилась дальней роднёй нынешнему сербскому королю, а уж через него и черногорскому господарю. Никол, таким образом, оказывался сколько-то там... юродным брат коронованной особы. Ещё на заре знакомства с Ваней он показывал ему фотографию матери: та покинула Сербию с семьёй, спасаясь от преследования турок. Сначала жила в Италии, а потом, когда Греция получила свободу, переехала в Афины. И совсем, было, собралась на родину – но тут на рейде появился русский военный корабль, на котором служил старший лейтенант Овчинников.

² *Кабельтов* британский (адмиральский) - 1/10 адмиральской мили = 608 футов = 185,3184 метров

³ (англ.) *Королевский смотр, личные гости вице-адмирала сэра Джефффри Томаса Фиппса Хорнби.*

Надо сказать, что Николка изрядно расстроился, когда выяснилось, что в этой операции группе «Зайн», в которую он входит, отведена роль скорее вспомогательная. А что поделать, если придётся пользоваться техникой совсем из других времён, и во владении ею Иван даст другу даже не сто, а всю тысячу очков вперёд?

Черногория, это же надо! Для британского обывателя, подобный титул – примерно то же, что вождь племени Мумбо-Юмбо – ну, может, самую малость пореспектабельнее. В Метрополии привыкли к туземной знати из отдалённых уголков мира. Да и где она, эта Черногория? Вот и помощник капитана, которому они предъявили карточки-приглашения, не слышал о такой стране...

С полуюта «Новой Каледонии», были прекрасно видны и королевская яхта, и флагманский броненосец. Ещё до начала смотра Иван и Варя познакомились со словоохотливой дамой лет тридцати пяти. Её супруг служил на одном из кораблей; от неё они узнали, что строй броненосцев возглавляет «Александра», любимый корабль вице-адмирала Хорнби. Он ещё в 1877 году прошёл на «Александре» через пролив Дарданеллы, чтобы устроить русских варваров, намеревавшихся подло и вероломно захватить турецкую столицу. А девять лет спустя, в 1886-м, орудия «Александр» громили форты Александрии – с её выстрелов, собственно, и началась англо-египетская война. Получив новое назначение, вице-адмирал, конечно, не забыл о своём флагмане.

«Сэр Хорнби снова будет наводить страх Божий на русского царя – трещала супруга моряка – Одиннадцать лет назад он напугал отца нынешнего императора России – справится и теперь!»

Дама размахивала платком, приветствуя королевскую яхту, и кричала – громко, визгливо, не уступая публике на пароходиках. Варвара недовольно косилась на чересчур энергичную миссис. Где ты, знаменитая британская сдержанность? Остальные пассажиры «Новой Каледонии» тоже не отставали от военно-морской дамы – с кормы неслись приветственные крики, в воздух летели шляпки, котелки, цилиндры. Некоторые пропадали за бортом, подхваченные порывом ветра, и тогда толпа разражалась насмешливыми криками.

А вот два джентльмена, с которых уже четверть часа не сводил глаз Иван, не торопились присоединяться к восторгам прочих пассажиров. Может, они и есть настоящие британские аристократы, а остальные так, случайные люди, раздобывшие приглашения на престижные «ВИП-трибуны»?

Он, как бы невзначай, приблизился к молчаливым господам. Те не заметили соседства – для них подростки, кутающиеся от морского ветра в пледы, как бы и не существовали в природе. Впрочем, как и все прочие пассажиры, толпящиеся на полуюте яхты.

– Что ж, лорд Рэндольф, – произнёс джентльмен в цилиндре, защёлкнув крышку часов. Элегантная вещица отозвалась мелодичным звоном. – Эскадра готова к походу. Вопреки усилиям ваших сторонников, должен заметить: они сделали всё, чтобы Адмиралтейство отказалось от этой затеи.

– Вынужден не согласиться, сэр Артур. – отозвался тот, кого называли лордом Рэндольфом. – В принципе, я разделяю ваши намерения, только вот методы полагаю негодными. Поправьте меня, если я ошибаюсь: это ведь уже третье соединение, предназначенное для военной экспедиции против Кронштадта за последние двенадцать лет? Первой была эскадра сэра Купера Ки, собранная во время Балканской войны, когда понадобилось срочно убедить русских не входить в Стамбул...

– ...а вторая в восемьдесят пятом, после инцидента у Кушки, когда правительство Её Величества – в которое, кстати, входили и вы, лорд Рэндольф! – вздумало осадить русских, чтобы те не зарились на Афганистан.

– В первом кабинете маркиза Солсбери я был министром по делам Индии, и, конечно, афганские дела касались меня напрямую. Мы потребовали тогда, чтобы Россия уступила

афганскому шаху земли кочевых туркмен и Пендже, но император Александр, узнав об угрозе войны, только и ответил: „Да хоть бы и так...“

Да, этот „государь-миротворец“ настоящий ненавистник Британской Империи. – покачал головой высокий. – И в тот раз эскадра не произвела впечатления на императора – не то, что на его венценосного папашу в 1877-м.

– Давайте не будем обманывать себя, сэр Артур. – невесело усмехнулся бывший министр по делам Индии. – Три года назад наш добрый друг Джеффри Хорнби собрал на рейде Портленда не боевую эскадру, а сущий паноптикум. Чего там только не было... К тому же, его планы прорыва к русской столице мимо фортов Кронштадта сильно напоминали авантюру – нельзя же строить все расчёты на одном-единственном корабле, да ещё и не проверенном в бою! И, боюсь, в этот раз он повторяет ту же самую ошибку.

Очередной броненосец (это был башенный „Агамемнон“) окутался дымом приветственного залпа. Публика восторженно взывала. Лорд Рэндольф слегка поморщился – джентльмены, похоже, ни разделяли всеобщего энтузиазма. Что же получается – британское правительство сомневается в успехе военной экспедиции на Балтику? И, кстати, о каком корабле речь? Что за сюрприз приготовили для диких русских казаков „просвещённые мореплаватели“?

Королевская яхта, описав дугу по рейду, миновала „Агамемнона“ и следующего за ним в ордере „Монарха“. За „Викторией и Альбертом“ пристроился мателотом ещё один корабль, теряющийся на фоне грозных броненосцев. „Такому место во второй шеренге, – прикинул Иван, – с миноносцами, торпедными канонерками, винтовыми шлюпами и прочей вспомогательной мелочью“. Но зрители считали иначе: кораблику махали и кричали так, словно это нёс выпел вице-адмирала, а не „Александра“, дымившая трубами в голове колонны.

Снова загрохотали орудия, и Иван, в который уже раз, оглох. Когда пальба немного стихла, и стало можно разобрать отдельные слова, он обнаружил, что их новая знакомая что-то горячо втолковывает Варе. С сожалением покосившись на джентльменов (те прервали беседу и молча взирали на королевскую яхту с её неказистым спутником), Иван отошёл к дамам.

– ... И представьте себе, милочка, он будет топить русских тараном! Вы не смотрите, что корабль такой маленький – муж говорил, что почти весь он скрыт под водой. А таран – огромный, восьми футов в длину, перед ним никакая броня не устоит!

„Под водой? С тараном? Что это за чудо такое у англичан? – забеспокоился Иван. – „Наутилус“ капитана Немо? Хотя, тот, помнится, воевал как раз против Британии...“

– Вода – лучшая защита от пушечных бомб! – продолжала щебетать супруга артиллериста. – Этот новейший корабль должен отправить все русские корабли на дно прямо у них в гавани! Царь Александр не решится вывести флот в открытое море для сражения и спрячет броненосцы в своём Кронштадте, муж только об этом и твердит! Конечно, куда русским до нашей морской мощи... Тут и пригодится таран! Толща воды спасёт его от снарядов, а в ту часть, что видна над волнами, артиллеристы попасть не смогут – корабль мал размерами и очень быстр, русские не успеют прицелиться в него из своих огромных крепостных пушек. К тому же, палуба покрыта бронёй...

„Так это же „Полифемус!“ – с опозданием понял Иван. – Самый необычный корабль Королевского флота, предназначенный для прорыва мимо кронштадтских фортов. И как он только не вспомнил сразу, в ведь сколько о нём читано... Приплюснутый, почти целиком скрытый под водой корпус, низкая надстройка и грозный кованый таран – воплощение экстравагантных идей Натаниэля Барнаби, главного кораблестроителя Королевского флота.

– Так он будет на самом деле таранить? – удивлялась тем временем его спутница. – Но зачем, это же очень опасно! Неужели нельзя как-нибудь по-другому – например, взорвать миной?

Иван солидно хмыкнул – пора вмешиваться в беседу. А то спутница решит, что он полнейший лох и ничего не понимает в кораблях – это онто, гардемарин Императорского Мор-

ского корпуса, имеющий за плечами самое настоящее океанское путешествие! Выслушивай потом её подколки...

– Самодвижущие мины или как мы называем их, „торпеды“, у „Полифемуса“ тоже есть. Но главное оружие – таран, этот корабль так и называется – „торпедный таран“. Такие ещё американцы строят, и французы тоже, и...

– Правда? Как интересно. – отозвалась Варвара, и по тону её было ясно, что ей ну ни чуточки не интересно. И вообще, она будет *крайне* благодарна спутнику, если он немедленно, прямо сейчас избавит её от экскурсов в военно-морскую тактику и кораблестроение.

Но Ваня не собирался сдаваться так легко.

– Кстати, о нём ещё и Герберт Уэллс писал! – заявил он. – Помнишь, „Войну миров“? Там есть эпизод, когда миноносец „Сын грома“ сражается с марсианскими треножниками и даже уничтожает два. Так вот, этот „Сын грома“ и есть „Полифемус“... ой!

Варин каблучок чувствительно припечатал носок ботинка к доскам палубного настила.

– Простите, мэм, нам надо идти. – девушка уже мило улыбалась собеседнице. – Боюсь, родители нас уже обыскались!

– Ничего, дорогуша, продолжим беседу в салоне. – не стала спорить дама. – Вон, как раз, колокол к чаю...

Оставалось только неловко раскланяться и бочком-бочком проследовать за Варей.

– Это же надо – снова оказаться таким идиотом! – шипела сквозь зубы девушка, утаскивая спутника за рукав, подальше от словоохотливой собеседницы. – Ни чему тебя не научить! Это надо додуматься – Герберт Уэллс! Когда он, по-твоему, написал „Войну миров“?

Крыть было нечем – тем более, что он сам приохотил и Николку и Варю и прочих своих друзей к ещё не написанной в этом мире беллетристике.

– А когда? – неуверенно спросил Иван. – Я думал, она здесь уже написана. Жюль Верн же здесь знают... наверное?

– Это у вас все читали и про нашествие марсиан, и „Машину времени“! А здесь Уэллс напишет свой роман только лет через десять, сейчас он, как писатель, никому не известен! Сколько можно ходить по одним и тем же граблям? Говорил же господин барон – „не уверен – промолчи, лучше вообще язык прикуси!“ А ты начитался про свои кораблики, вот и стараешься к месту и не к месту знаниями блеснуть! Как ребёнок, честное слово...

„А сама-то очень взрослая! Нет, туда же, поучает...“

Иван раздосадовано сопел. Варвара права, разумеется, а он снова сел в лужу. Теперь точно не спастись от насмешек и язвительных замечаний...

По яхте снова пронёсся густой медный звон – третий колокол к чаю. Военно-морская дама, сделала на прощанье ручкой новым знакомым, направилась вслед за stewardом в салон, где для пассажиров „Новой Каледонии“ были поданы лёгкие закуски. Вслед за ней потянулись и остальные, и вскоре на полуюте яхты оставались только Варя с Иваном и два давешних лорда. Джентльмены продолжали беседовать, но Иван не решался приблизиться – палуба пуста, заметят, заподозрят! Воровато оглянувшись – не видит ли кто? – Ваня сунул в ухо кнопку микрофона. Пока продолжалась пальба, толку от направленного микрофона толку было чуть, но теперь голоса в ухе вполне отчётливо.

– ...что ж, Артур, было весьма приятно с вами побеседовать. – бывший министр по делам Индии снял котелок и принялся отряхивать его от водяной пыли. – Надеюсь увидеть вас завтра в Лондоне, в клубе, там и продолжим.

– Что ж, договорились, Рэнди! – лорд Артур, вслед за собеседником, перешёл на доверительный тон. – Я слышал, в клубе подают замечательную спаржу, уже этого года?

Джентльмены раскланялись – уже без следа прежней чопорности, как добрые знакомые.

„Клуб значит... сделаем зарубку...“ Ване было досадно, что он пропустил завершение беседы. Хотя, и повод для оптимизма имелся – они с Варей, похоже, попали в цель. С первой попытки услышать именно то, что нужно – разве это не успех?

Похоже, придётся ехать в Лондон. Что ж, он ничего не имел против небольшого путешествия – лишь бы прок был.

Иван спрятал в карман мягкую кнопочку наушника и вслед за напарницей поплёлся в салон. Группа „Алеф“ в полном составе отправляется на фэйф-о-клок. Британские традиции, ничего не попишешь.

„А ведь всего две недели назад мы и знать не знали ни о фэйф-о-клоке, ни о Лондоне, ни об этой эскадре, будь она трижды неладна! Вся эта чехарда началась сразу после урока фехтования – помнится, в гимнастическом зале Корпуса было на редкость душно...“

II

Полугодом раньше.

Морской корпус, Санкт-Петербург.

...в гимнастическом зале душно. Только-только закончились занятия у младших классов, и обширное помещение, окна которого толком никогда не открывались, не успело проветриться. Под высоченными сводами, кажется, всё ещё висят вместе с запахом мальчишеского пота, звон тренировочных рапир и восторженные крики кадетов – они третий день на ушах стоят, празднуя долгожданное переименование Морского Училища в Морской Корпус⁴. Слухи об этом ходили давно, и вот – сподобились же? Строгие наставники хмурятся, пряча довольные улыбки – в эти дни воспитанникам позволено куда больше вольностей, чем обычно.

Барон Евгений Петрович Корф появился в Корпусе незадолго до этого знаменательного события. Увидав его, Иван с Николкой обрадовались – и тут же насторожились, узнав, что теперь он будет преподавать у их класса фехтование по какой-то особой программе. Кому-кому, как не им знать, насколько плотно загружен начальник Департамента Особых Проектов, и сколько ему привалило забот после возвращения африканской экспедиции Ваниного отца! А в особенности – после фанфаронской авантюры, предпринятой Евсеиным. Помнится, Корф, узнав о вылазке в будущее, два часа орал на доцента, угрожая страшными карами, и в первую очередь – безусловным и пожизненным отстранением от проекта.

Но – победителей, как известно, не судят.

В Корпусе барон получил прозвище Маэстро. И было с чего: облик и платье нового педагога являли собой разительный контраст с внешним видом прежнего преподавателя гимнастики и фехтования, ротмистром Самойленко. Ротмистр пришёл в Корпус из Николаевского Кавалерийского и за три года так и не сумел побороть несколько пренебрежительное отношение к этому роду войск, царящее в среде морских офицеров.

Смотрелся Корф, что и говорить, эффектно донельзя: высокий лоб с залысинами, „мушкетёрская“ борода, тонкие стрелочки усов. Одежда под стать внешности, никакой военной формы: чёрные бриджи, чулки, кожаные башмаки, громко стучащие каблуками по полу физкультурного зала. Чёрный, наглухо застёгнутый на латунные застёжки фехтовальный жилет, простёганный мелкой клеткой, под ним – белая шёлковая рубашка. К такой подошли бы кружевные манжеты, но их всё равно не будет видно под длиннющими, до локтя, кожаными крагами.

И – монокль! Как Маэстро ухитряется не терять его во время своих стремительных репримандов и выпадов?

---

⁴ В реальной истории это случилось лишь в 1891 году.

– Так, довольно, молодые люди. Прошу вас запомнить – то, чем мы с вами сейчас занимаемся – это основа основ, фундамент, на котором зиждется высокое искусство фехтования. Да, это непривычно для вас – и стойка мастера клинка, его манера перемещаться, мало напоминают свойственные обывателю позы и телодвижения. А, следовательно, пребывая в тоже же душевном состоянии, в каком обыкновенно находится обыватель, вы ни за что не сможете освоить эти премудрости!

Слово „обыватель“ барон произнес до того характерно, что Варя, не удержавшись, хихикнула. Педагог строго посмотрел на дерзкую ученицу, дёрнул щекой, отчего стеклянный кругляш едва не выпал из глазницы, и продолжил:

– Представьте, что вы на молитве или исповеди; вообразите себя художником, создающим самое главное полотно всей своей жизни...

Иван вовремя скрыл смешок. Если за мольбертом он себя ещё кое-как мог представить (правда, то, что получится в результате...), то молитва и исповедь так и остались для него не более, чем тягостной повинностью, которую необходимо соблюдать, дабы не выделяться из рядов.

– Да-да, юноша, именно так! – Маэстро пронзил его раздражённым взглядом, словно отточенным клинком. – А если вас затрудняет представить себя в церкви, вспомните о своей первой любви, наконец, и только тогда – только тогда, повторю я вам! – встаньте на боевую линию, лицом к лицу с самым главным человеком в вашей жизни, с вашим противником! Пока, правда, воображаемым.

Иван сглотнул и часто закивал. И постарался не думать о том, какие ехидные мины скорчили спиной Николка и Воленька Игнациус – уж они-то отлично знают о его отношениях к Вареньке... А он-то чем виноват? Ну да, она нравится Ване, всегда нравилась, ещё со времён их с отцом попадания в прошлое. В какой-то момент показалось даже, что чувство это взаимно – вот только в последнее время она предпочитает держаться с ним по-приятельски: смеётся шуткам, охотно засиживается вместе в кабинете Николкиного отца, где во время увольнений в город они смотрят на ноутбуке фильмы, привезённые из будущего. Даже берёт под локоток во время прогулок по Петербургу и иногда – изредка! – по-приятельски чмокает в щёку... И всё это, чем дальше, тем больше, утверждает его в невесёлой мысли – они только друзья, и таковыми впредь и останутся.

– Не отвлекайтесь, молодые люди!

На этот раз монокль выпал-таки – и повис бы на чёрном шнурке, пристёгнутом ко второй сверху жилетной пуговице, если бы барон ловко, заученным движением не подхватил его. Это было признаком крайнего недовольства. Иван сделал постную физиономию и подобрался – не хватало выслушать очередную порцию нравоучений... Хотя, Маэстро порой интересно послушать, да и его словесные обороты сами собой западают в мозг – не заметишь, как начинаешь сам вставлять такие же. Ничего дурного в этом нет, изъясняется педагог изящно, грамотно, только очень уж старомодно.

– А теперь, вспомните, как вы, уставшие, приходите домой после долгой прогулки по лесу, и опускаетесь в кресло, совершенно обессиленные. Вот так вам и надо сейчас сесть в боевую стойку – не „встать“, как Вы до сих пор пытались это делать, а именно „сесть“! Сесть, как в удобное, привычное старое кресло!

Николка вслед за Иваном старательно исполнил указание. Маэстро оглядел результат, обошёл ребят, разглядывая и, как манекены в магазине одежды, поморщился и несколькими лёгкими шлепками стека поправил стойки. Николка, получив тросточкой пониже спины – не отключивайся! – недовольно дёрнулся, поджал губы, но смолчал. К методам Маэстро приходилось привыкать – щадить своих учеников он не собирался...

– Что ж, недурно, недурно... А теперь – выпад. Как я показывал в прошлый раз? Потянитесь рукой вперед – мягко, но уверенно, так, как будто просите милостыню у прохожего,

будто всего лишь собираетесь коснуться края его одежды. А затем резко, внезапно выстрелите ногами! Ноги должны стать взрывом пороха в стволе ружья, который выбросит снаряд, руку с оружием, вперёд, к цели!

Иван как следует замахнулся, и ринулся на воображаемого противника, намереваясь пронзить того клинком. Сегодня в руках у гардемарин – не тростинки рапир, как на обычных занятиях, а инструмент посолиднее. Матросские абордажные палаши образца 1856 года – такие рядком красовались в оружейных стойках на нашем „Корейце“ – покрытые слоем оружейного сала во избежание ржавчины и закреплённые в своих гнёздах стальными цепочками, пропущенными через эфесы. Чуть изогнутый, расширенный к острию, клинок, снабжённый выступающими рёбрами жёсткости; гарда в виде узкого щитка с дужкой, защищающей пальцы, прямая рукоять, обтянутая чёрной грубой кожей. Никакой полированной латуни и изящных долов, как на кирасирских и лейб-гусарских клинках – голая простота и функциональность настоящего боевого оружия. Палаш тяжело оттягивает руку, так и просясь в замах, словно они не в вычурно-элегантном гимнастическом зале с дубовыми панелями и веерами рапир на стенах, а на залитой кровью палубе, посреди яростной абордажной схватки...

Маэстро поморщился:

– Должен вас огорчить, молодой человек, вы выполнили никуда не годное движение. Но хуже всего то, что вместо показа укола вы сделали замах, поправ все каноны фехтовальной культуры. Извольте повторить, как я вам показывал!

Кто бы сомневался... Иван опасно покосился на стек в руке Маэстро и снова принял стойку. Впереди был ещё час издевательств, и единственное утешение – что и прочим его одноклассникам по гардемаринскому классу достаётся ничуть не меньше.

III

Из дневника гардемарина Ивана Семёнова.

...Пожалуй, самое время освежить в памяти перипетии невероятной истории, что привела меня и моих товарищей по приключениям в гимнастический зал Петербургского Его Императорского Величества Морского Корпуса. И для этого придётся обратиться к дневнику.

Отец начал фиксировать свои путевые впечатления ещё во время нашего перового путешествия на Ближний Восток; я, ознакомившись с его записями, проникся и сначала делал заметки в электронном планшете. Но вскоре, по примеру отца, перешёл на местные письменные принадлежности – бумагу и перо, стальное, на деревянном черенке, которое приходится то и дело макать в стеклянную, тяжёлую чернильницу. У нас имелся некоторый запас шариковых и гелевых ручек, созданный в ту пору, когда портал между прошлым и будущим был распахнут – таскай, не хочу! Но после поступления в Морской Корпус, я столкнулся с тем, что приходится не только учиться писать, старым стилем, с ятями и фитами, но и осваивать прочно забытую в наши дни у науку чистописания – причём именно с помощью этих варварских, выматывающих душу приспособлений. Вот и стараюсь, и даже клякс уже почти не ставлю.

Задайте себе вопрос: мог ли московский старшеклассник двадцать первого века мечтать о том, чтобы надеть форму императорского гардемарина века девятнадцатого? Представить себе это в красках, видеть во снах, даже плакать украдкой в подушку от невозможности оказаться на палубе парусного корвета "Варяг" приписанного к Корпусу, ощутить в ладонях колючую жёсткость сизале вых тросов, а под босыми пятками – выскобленные до белизны тиковые доски? Слушать трели боцманских дудок, добродушные (а порой и не очень) загибы дядек-наставников, у каждого из которых за плечами не одна "русская кругосветка"? Отстаивать "собачьи вахты", кошкой карабкаться на марсы и нащупывать ступнями ниточки пертов, стараясь добраться до нока фор-марса-рея – и не смотреть на кипящую в пятидесяти футах внизу бездну?

Да бросьте – мои современники и Станюковича-то с Сабатини не читали, о морской, парусной романтике судят исключительно по приснопамятным "Пиратам Карибского моря". А в плане экстрима предпочитают сноуборд, скалодромы и трюки на роликах. Что до знания реалий девятнадцатого века – то тут дело обстоит на уровне книг Акунина и, снятых по ним сериалов – это в лучшем случае. Э-э-э, да что там говорить – посмотрите, сколько места отведено в учебнике истории всему периоду царствования Александра Третьего!

Но я отвлекся. Итак, всё началось в один прекрасный московский день, когда мы с отцом, прогуливаясь по центру Москвы в районе улицы Казакова, (это, если кто не знает, недалеко от Курского вокзала, в сторону Лефортова) встретили мальчишку. Обычного такого пацана, моего ровесника, ничем особо не примечательного – если бы не паника в глазах, тяжёлый ранец телячий кожи, да старомодная суконная гимназическая форма, в которой он маялся тёплым майским деньком.

А дальше началась форменная чехарда. Или пердимонкль, как принято говорить здесь – словечко ёмкое, но у нас в двадцать первом веке, увы, прочно забытое. Это ведь только в книжках про попаданцев, которые с недавних пор заполнили книжные прилавки, главный герой сразу знает, что делать на много шагов вперёд. И – следует своему плану, не отклоняясь, выбирает наилучшие варианты из возможных, уверенно идёт к успеху, следуя советам завсегдатаев бесчисленных альтернативно-исторических форумов, давным-давно разобравших все возможные ситуации и нашедших оптимальные решения.

Увы, мы с отцом жестоко разочаровали форумных знатоков и критиков. Не кинулись прогрессорствовать, перекраивать историю, вводить единые патроны и изобретать командирские башенки, а занялись презренным с их точки зрения делом: стали, не торопясь, со вкусом, устраивать собственную жизнь. А заодно – жизнь тех, кто вслед за с гимназистом Николкой Овчинниковым оказался втянут в орбиту наших приключений.

И не то, чтобы это оказалось результатом осознанного выбора. Скорее уж – следствие череды случайных событий, наскоро, не слишком обдуманно принятых решений и их последствий, исправлять которые приходилось уже на ходу. Вот, к примеру: нужны попаданцам деньги? Конечно нужны, куда ж без них – ни извозчика нанять, ни в кофейне позавтракать, ни пирожок у уличного разносчика купить. Что ж, есть очевидное решение: давайте принесём из нашего будущего какой-нибудь достаточно безликий, компактный и легко реализуемый товар, который уже известен в девятнадцатом веке, но на более скромном техническом уровне. А чтобы обеспечить себе средства на закупку этого хлама в веке двадцать первом, наладим встречный поток военно-исторического антиквариата – благо отец хорошо знаком с сообществом исторических реконструкторов и без труда найдёт покупателей.

А потом, когда денег понадобится больше, постараемся обеспечить их постоянный приток, создав небольшую велосипедную мастерскую, где из доставленных из будущего деталей будут собирать круизёры и горные велики – на радость только нарождающегося в России спортивного сообщества. Правда, это неизбежно сделало нас объектом пристального внимания если не спецслужб (еще неизвестно, имеются ли они тут в привычном для нас значении и интересуются ли подобными вещами?), но, уж точно, общественности – тех же спортсменов, которые рано или поздно зададут себе вопросы о происхождении новинок?

Ну и мелкие огрехи, куда ж без них? Пустяки, вроде, но при некотором стечении обстоятельств способные заставить задуматься человека неглупого и любопытного. Задуматься – и однажды задать вопрос, на который очень трудно будет найти непротиворечивый ответ.

В общем, пары месяцев не прошло, как круг посвящённых разросся неуправляемо, что с той, что с этой стороны. А уж какими коллизиями это сопровождалось – даже вспоминать не хочется. Чего стоит хотя бы побег лейтенанта Никонова в двадцать первый век, завершившийся тем, что в прошлое попала шайка леваков-радикалов из наших времён. Сколько лиха мы с ними потом хлебнули...

Иногда я жалею, что нет возможности описать наши приключения в виде фантастического романа и опубликовать в нашем времени. Прямо предвкушаю вал злобной, пополам с банановой кожурой и помётом критики: "какие-то идиоты ваши попаданцы!" "за кого нас считает автор, за придурков?" "Да чтобы действовать так, надо быть имбецилами и недоумками, не способными предвидеть последствий хотя бы на полшага вперёд..."

Прочее додумайте сами. Ну да, дров мы наломали изрядно, и последствия своих опрометчивых действий расхлёбываем до сих пор. Например, покушение на государя Александра Третьего, устроенное теми самыми радикалами, спевшимися с местными студентами-народовольцами, и последовавшее за ним "схлопывание" межвременных порталов, в результате чего мы остались здесь с жалкой горсткой технологий двадцать первого века и под вполне доброжелательной, хочется верить, опекой властей... А как бы ещё мы с Николом смогли попасть в недоступный подавляющему большинству мальчишек Российской Империи Морской Корпус, учебное заведение, где выращивают элиту элит, флотских офицеров, опору державы? Так вот и попали – чтобы и под присмотром находиться, и наибольшую пользу извлечь для державы. Ну и без высокого покровительства не обошлось, разумеется – сама императрица озаботилась тем, чтобы нас, героев мартовских событий, приняли туда в обход всех правил, да ещё и весной, незадолго до окончания учебного года.

Дело в том (и это, несомненно, вызвало бы наибольшее возмущение читателей нашего ненаписанного романа), что мы довольно быстро расставили для себя приоритеты – и не в пользу прогрессорства с перекраиванием истории. Нет, нас с отцом интересовало другое, то, о чём книжные попаданцы, как правило, не задумываются: как вообще всё это стало возможно? И для начала – откуда взялись порталы, через которые мы повадились ходить из двадцать первого века в девятнадцатый, и обратно, словно в соседний супермаркет?

Благо, концы, за которые требовалось потянуть, чтобы распутать этот клубок загадок, у нас имелись. Древние чётки с коптским крестом, отдельные бусинки которых как раз и служили своего рода ключами, открывающими порталы. Затем – найденные нами с Николом записки первого открывателя порталов, доцента Евсеина, подвигнувшие нас с одной стороны, пуститься по следам его путешествий на Ближнем Востоке, а с другой – разыскать самого доцента, бесследно сгинувшего некоторое время назад. Для этого пришлось создать частную сыскную контору во главе с юным энтузиастом детективного дела Яшей – и тот превосходно справился со своей задачей...

А мы с отцом тем временем отправились в Сирию, затем в Ирак и Египет – и отыскали-таки новые, весьма важные сведения. Оказалось, что на втором конце безнадёжно запутанной ниточки – загадка то ли древних допотопных цивилизаций, этот портал создавших, то ли вообще пришельцев из космоса. В итоге, отец оправился во вторую экспедицию в Чёрную Африку, а мы с Николом остались в России, поступили в Морской Корпус – и тоже не сидели, сложа руки.

Как говорил папаша Мюллер в известном телесериале, "что знает двое – знает свинья". Довольно скоро отыскалось немало желающих приобщиться к нашим тайнам. И не просто желающих, а представителей могущественных организаций, чей интерес к выпрыгнувшим, словно чёртики из табакерки, попаданцам, был профессионально обусловлен.

Не буду вдаваться в детали, поскольку для этого пришлось бы превратить дневник в тот самый ненаписанный попаданческий роман. Скажу только, что отец вернулся из своего африканского вояжа, разузнав и раздобыв немало ценного, но и крепко схлопотав от конкурентов в лице бельгийского авантюриста ван дер Стрейкера и его британских покровителей. Доцент Евсеин, первооткрыватель порталов, выкинул трюк, которого от него не ждал решительно никто – такой, что даже барона Корфа, руководителя Департамента Особых Проектов, пробрала оторопь. Ну и мы с Николом и Воленькой Игнациусом (ещё один посвящённый...) благополучно вернувшиеся из океанского похода, и теперь ожидающие дальнейшего развития

событий. Прямо сейчас – в гимнастическом зале Морского Корпуса, где тот самый барон Корф преподаёт нам азы фехтовальной науки...

IV

1889, апрель Англия, Гэмпшир.

Группа "Алеф" на задании.

Старая добрая викторианская железная дорога, поезд от Портсмута до Лондона! Впору вспомнить "Хогвардс-экспресс" с его красным локомотивом и купе со столиком, где так удобно рассматривать ожившие вкладыши к шоколадным лягушкам. Здесь всё похоже: пышущий паром локомотив, двухосные вагончики малахитового цвета с чёрной окантовкой и крупными, жёлтой краской, буквами: *London and South Western Railway*. Но кое-что и непривычно – двери купе открываются прямо на перрон, сквозного прохода по вагону нет. Билеты в кассе продаются без мест, куда хочешь, туда и садись. Хорошо, Варя вовремя сообразила (а на самом деле, просто внимательно прочитала примечания к железнодорожному расписанию), что половина вагонов поезда отправляется не в Лондон, а в Рединг, и на одной из станций их должны прицепить к другому составу.

Наконец-то вокзальная суэта осталась позади, и за окнами вагона "Лондонских и Юго-Западных железнодорожных линий" замелькали пейзажи Гэмпшира. Болота, каменистые осыпи, оплывшие приземистые холмы. И – поля, прорезанные кое-где узкими каналами, на которых нет-нет, да и увидишь, барку, влекомую меланхоличным битюгом. Иван припомнил вычитанный где-то метод: если от одного столба до другого можно, не торопясь, сосчитать до шести – значит, поезд разогнался до шестидесяти километров в час. В будущем с такой скоростью бегает дачные электрички. Но, то ли техника не позволяла, то ли британцы полагали, что торопиться некуда, а только пассажирский состав "Портсмут-Лондон" плёлся как черепаха – между столбами было десять. И к тому же, останавливался на каждом полустанке, так что в дороге предстояло провести больше двух часов. В "купе" кроме Ивана и Вари, никого не было – вагон первого класса отошёл от перрона полупустым, хотя "парламентский" третий трещал по швам.

– Уродливые они всё же, эти броненосцы. Не то, что клипера в Кронштадте. Те красавцы, элегантные стройные, а эти – сущий кошмар. Приплюснутые, угловатые, ни красоты, никакого изящества...

Иван оторвался от окна. Вот уж не ожидал, что напарница заговорит на такую тему!

После смотра они даже слегка повздорили. Юноша не отрицал своего ляпа с "Войной Миров" – но разве это повод, чтобы изводить человека два часа кряду? Не такой уж и серьёзный прокол. Скорее всего, та миссис, о Уэллсе вообще слыхом не слыхала. А Варвара завелась из-за того, что её заставили мёрзнуть на палубе, глохнуть от пальбы, дышать пороховой вонью, а потом ещё и выслушивать лекцию о военном судостроении.

Броненосцы ей, видите ли, уродливы...

– Ну, положим, британские фрегаты и шлюпы тоже красивые, только они на смотре стояли без парусов... – начал Иван, и прикусил язык. Станешь возражать – прицепится к слову, и пошло-поехало самого Лондона.

– ...хотя да, ты в чём-то права. Нынешние броненосцы в плане эстетики подкачали. Что поделать, совсем другая эпоха в судостроении.

– Эпоха! – раздражённо фыркнула девушка. – А почему они из воды еле видны? Палубы почти вровень с волнами, а на ней сараи какие-то понатыканы! И пушки дурацкие: короткие, словно обрубки, дыма от них.... В фильмах, которые ты показывал, совсем другие – длинные, могучие даже с виду. Взглянешь – дрожь пробирает!

В числе прочего, готовясь к этой поездке, Иван прокрутил напарнице несколько роликов из военно-морской истории.

– Так они же стреляют чёрным порохом! – принялся объяснять он. – И заряжаются с дула, потому и скорострельность низкая: иногда один выстрел в десять минут! Думаешь, от хорошей жизни придумали специальные таранные корабли? Орудия здоровенные, это да, но вот попасть из них по кораблю, когда тот маневрирует – полная безнадёга. Торпеды появились недавно, они слабые, медленные, вот и приходится изворачиваться. Во всех флотах мира считают таран чуть ли не главным оружием, даже тактику специальную разработали. ... Помнишь, я показывал – "Руперт", "Хотспур", они стояли во втором отряде, подальше от нас? Их главный калибр может стрелять только вперёд, на сближении с противником, а потом надо таранить! И в России такие строят.

– Делать нечего – уродство такое копировать! – фыркнула Варвара. – Нет, чтобы покрасивее выбрать! Вот, королевская яхта – как она называется?

– "Виктория и Альберт". Виктория – это в честь нынешней королевы, а Альберт её муж, принц-консорт. Кстати, царская яхта "Держава" построена по её образцу.

Напарница снова фыркнула, но не нашла, к чему придраться.

– Вань, а ты обратил внимание, что англичане корабли называют "she"? Они, выходит, для них все женского пола, даже уроды вроде этого... "Агамемнона"?

Иван кивнул. Среди броненосцев Ройял Нэви "Агамемнон" и его систершип "Аякс" отличались самым нелепым видом. Широкие, тупоносые, низкобортные, с приземистыми цилиндрическими башнями, из амбразур которых едва высывались стволы орудий неимоверного калибра. На носу и на корме, перекрывая сектора обстрела, высились громоздкие надстройки, соединённые поверх башен переходными мостиками. Венчала это нагромождение кургузая дымовая труба, а над ней будто в насмешку, паутина мачт, реев, такелажа – броненосцы этого типа несли полное парусное вооружение.

Но даже такое чудище британцы называют "она". Для них любой корабль – леди.

– Ну да, так и есть. Конечно, эти корабли не самые красивые на свете. Они уже устарели, в прошлом году вошёл в строй "Коллигнвуд", первый из "Адмиралов". Жаль, мы не видели этот броненосец, ты бы поняла....

– Сдались мне эти железные коробки! – огрызнулась Варвара. – Хоть старые, хоть новые, хоть какие! И помолчи уже, голова раскалывается! Затоковал, как глухарь – пушки, чушки... уши вянут!

И демонстративно отвернулась к окну.

Иван от обиды опешил. Сама ведь спросила – и на тебе! Поди, пойми этих женщин...

Поезд нырнул в лес. Деревья вплотную подступили к железнодорожному полотну, ветки то и дело хлестали по стеклу. Ваня невольно отодвинулся; его спутница наоборот, радостно взвизгнула и, вскочив с диванчика, принялась теревить задвижку.

Варя, в сущности, не была ни врединой, ни занудой. На неё порой накатывали приступы раздражения, и тогда девочку лучше было не трогать. Но Иван знал, что и четверти часа не пойдёт, как она пожалеет, что наговорила колкостей и станет искать пути к примирению.

– Не откроешь окошко? – попросила девушка. – Душно что-то...

Ещё бы не душно – кондиционеров здесь нет и в помине. А откроешь окно – есть риск, что вагон захлестнёт пеленой угольной гари из трубы локомотива, отплёвывайся потом и отчищайся...

Но – не спорить же с упрямой девчонкой ещё и из-за этого? Иван встал и толкнул вверх дубовую раму. Окна в английских вагонах конца позапрошлого века, открывались так же, как и в привычных плацкартах.

Рама поддалась и послушно скользнула вверх. В окно ворвался громкий стук колёс и запах листвы. Иван опустил на диванчик – Варя, как ни в чём ни бывало, листала газеты.

В Портсмуте они запаслись целой кипой: "Дэйли Телеграф", "Монинг Кроникл", "Пэлл Мэлл Газетт", "Таймс" и ещё десяток вечерних листков. Задача проста: вычислить по сегодняшним газетам, кто такие эти сэр Рэндольф и сэр Артур, чей разговор они подслушали на яхте. И придумать, как найти этих джентльменов в Лондоне.

И как же? "Элементарно, Ватсон": сэр Рэндольф – он, между прочим, бывший министр, это хорошая зацепка – назначил встречу собеседнику в своём клубе. Книги и фильмы о британской жизни приучили ребят к мысли о том, что любой английский аристократ привержен традициям. А значит, можно вычислить по газетам, по разделам клубных новостей – ребята уже знали, что многие издания регулярно публикуют подобные сведения. Даже в официальной "Лондон Газетт" есть столбец о клубной жизни британской столицы. Итак, открываем "Монинг Кроникл", и на третьей странице, в разделе официальной хроники...

"Бывший министр по делам Индии сэр Рэндольф Генри Спенсер, лорд Черчилль и сэр Артур Вильям Окленд Худ, первый морской лорд, собираются присутствовать на Королевском смотре Эскадры Особой службы. Лорд Черчилль и первый морской лорд будут наблюдать за смотром с борта яхты "Новая Каледония", а не с борта яхты Её Величества, где будет присутствовать и премьер-министр маркиз Солсбери. Что, несомненно, косвенно подтверждает сообщения о наметившемся охлаждении между действующим кабинетом и Адмиралтейством..."

"Ничего себе, – поразился Иван, – и за такими персонами предстоит шпионить? Бывший министр и действующий командующий ВМФ, если переводить на российскую табель о рангах двадцать первого века! У нас к таким шишкам не подступиться, а здесь – пожалуйста, стоят и беседуют, как ни в чём ни бывало, и вокруг никаких бодигардов или референтов..."

Итак, "фигуранты расследования" оказались Очень Важными Персонами. Это играло на руку: из третьей по счёту газеты удалось выяснить, что лорд Рэндольф Черчилль состоит в клубе "Уайте", адрес – Сент-Джеймс стрит, 37. Самый известный "клуб для джентльменов", основан в 1693 году, в списках клуба аристократы, политики, члены царствующей династии. Вряд ли лорд Черчилль станет посещать второсортное заведение... Если верить газете, этот клуб – настоящее гнездо партии тори, а сэр Рэндольф всегда отличался консерватизмом. Там и встретятся оба джентльмена, и у группы "Алеф" есть сутки на то, чтобы придумать, как проникнуть в цитадель приватности, каковой, несомненно, является политический клуб британских аристократов.

Осознав сложность задачи, Иван растерялся. Впору было опускать руки. Ну, хорошо, они прыгнут выше головы и подслушают разговор – а дальше-то что? Не факт, что дело прояснится; не факт, что предмет беседы лорда Рэндольфа и сэра Артура Худа вообще имеет отношение к их заданию, не факт... Хитроумный Корф, который, как обычно, дал своим подопечным туманные намёки вместо ясных инструкций, на этот раз явно перемудрил – и с тех пор жизнь Ивана и Вари превратилась в сплошную череду головоломок.

V

Из дневника гардемарина Ивана Семёнова.

Головоломки начались гораздо раньше – аккурат, после того самого урока фехтования, проведённого в Корпусе бароном Корфом. Урок был последним в расписании; за ним следовали часы, отведённые для самостоятельных занятий, но нам с Николкой и Воленькой Игнациусом не суждено было ни повозиться с однокашниками на заднем дворе, ни посидеть в тишине библиотеки. Явившийся за нами дежурный офицер предложил следовать за ним – разумеется, приведя себя в надлежащий вид, на что было отведено три минуты.

Признаться, я бы удивился, случись оно как-то иначе – едва увидев барона в гимнастическом зале, я понял, что жизнь готова отколоть очередное коленце.

И не ошибся, разумеется.

"Хочу лично заняться вашей физической формой. – заявил барон. – Отточить навыки во владении оружием тоже не помешает, особенно холодным – со стрельбой, как мне докладывали, у вас всё в порядке. К тому же, в скором времени мы возобновим занятия офицерских классов – подготовку специалистов для работы с техникой будущего с вас никто снимать не собирается..."

Кто бы сомневался: технический отдел Д.О.П. получил солидное вливание в виде самой разнообразной аппаратуры, а натаскивать будущих айтишников Его Императорского Величества некому. Так что мы, как и в прошлом году, три раза в неделю тратим по несколько часов на работу с курсантами. Здесь, правда, это словечко не в ходу, предпочитают нейтральное "слушатели курсов". Но мы из соображений сугубо хулиганских, употребляем именно его.

Есть и новшество:, в структуре Д.О.П. организованы секретные учебные классы. Цель – подготовить группы, способные выполнять особо важные задания с использованием технологий будущего. Мы – я, Николка, Воленька Игнациус и есть первые слушатели или курсанты. Время от времени нас навещает Георгий. Ему, как царскому отпрыску и официальному наследнику Государя, негоже заниматься шпионскими делами – но уж больно интересным вещам учат на этих курсах. Вот он и находит время, чтобы посидеть на занятиях, повозиться со спецпаратурой (смех и грех – простейшие диктофоны, направленные микрофоны и подслушивающие устройства, которые у нас можно без проблем приобрести через Интернет), пострелять из револьвера с глушителем и снайперской винтовки, поупражняться в рукопашке. А что, дело хорошее, глядишь, когда и пригодится...

Д.О.П. овские курсы располагаются в неприметном особнячке на Елагином острове – с собственным парком, обнесённым крепким забором. До дворца вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны оттуда рукой подать; в большом дворцовом парке по выходным проводятся гуляния и даже соревнования Санкт-Петербургского императорского клуба любителей бициклов. Мы с Николкой не раз наблюдали, как спортсмены в твидовых костюмах в английскую клетку проносятся по дорожкам на великах московской фабрики "Дуке" или рижского велосипедного завода – тех, что клепают свои знаменитые на всю Европу, самобеглые аппараты по образцам двадцать первого века. Ещё один вклад попаданцев в развитие местной цивилизации.

На Елагином острове мы проводим по два дня в неделю. Вечером, в пятницу, паровой катер забирает нас с пристани напротив Морского Корпуса, а поздно вечером, в воскресенье доставляет обратно. Об увольнительных с выходами в город пришлось, таким образом, забыть и, похоже, надолго – наше время расписано по минутам между Корпусом, офицерскими классами и курсами Д.О.П. Именно там, в особнячке на Елагином острове, и поджидал нас главный сюрприз.

Девушки-курсистки! Да-да, не институтки-смолянки, которых приглашают на корпусные балы и прочие открытые мероприятия, где подразумевается женское общество (будущие морские офицеры должны уметь вести себя с дамами!), а самые настоящие слушательницы Елагинских курсов. В отличие от нас троих, появившихся здесь только на выходные, они жили в небольшом флигеле почти постоянно и проходили ускоренный курс специфических наук с упором на иностранные языки, современную политику и физическую подготовку. Все они, как и мои друзья, входили в круг посвящённых – и угадайте, с кого начинался короткий, всего в семь строк, список наших курсисток?

Ну, конечно: Варенька Русакова и её подруга Марина Овчинникова, двоюродная сестра Никола. Барон Корф, подбирая женский "контингент" для спецкурсов, прежде всего, обратился к ним. Вполне логичный выбор: девушки знают насчёт "гостей из грядущего", дали соответствующие подписки о неразглашении. И, главное: у обеих свежи ещё раны от прошлогодней потери, гибели во время мартовских событий Варенькиного кузена, юнкера и командира "вол-

чат" Серёжи Выбегова. И когда поступило предложение заняться серьёзным, хотя и не слишком типичным для благовоспитанных московских барышень делом, они долго не раздумывали.

Перевод из Елизаветинской женской школы, где обе учились, и где преподавал Николкин дядя Василий Петрович Овчинников, в некое частное, чрезвычайно закрытое учебное заведение оформили быстро. Больше всего Варю и Марину поразило, что ради нескольких слушательниц на Елагиных курсах содержали полный штат преподавателей, обучавших девушек, в числе прочего, и по обычной гимназической программе. Свободное же время, которых у учениц Елизаветинской школы всегда было в достатке, теперь дочиста съедали занятия по иностранным языкам и "спецпредметам". Стрельба, фехтование, навыки рукопашного боя – могло ли такое привидеться им даже в страшном сне?

Когда мы с Пиколкой надели на барона с вопросом – "что тут делают девчонки"? – он ответил, что готовят нас не к роли пластунов-ухорезов, снимающих вражеские посты и взрывающих пороховые погреба (хотя и этими навыками овладеть не помешает), а к работе в качестве оперативников, тайных агентов, в том числе и за границей. "Неужели вы, молодые люди, – насмешливо осведомился Корф, – думаете, что на этом поприще вы сможете обойтись без помощи соратниц женского пола? Во многих из предстоящих вам миссий помощь девушек окажется незаменимой, и моя прямая обязанность, как начальника Департамента, подготовить для нас боевых подруг. Причём часть подготовки вы будете проходить вместе – юноша и девушка. Пары эти будут составлены специалистами Д.О.П. а с учётом соображений, вникать в которые вам, молодые люди, незачем..."

Так и вышло, что на грифельной доске в преподавательской комнате появилась таблица с малопонятными непосвящённым надписями: "Группа Алеф", "группа Бейт", "группа Гимель" – и далее, по буквам древнееврейского алфавита. И всё: никаких фамилий, только расписание занятий. Почему были выбраны именно такие обозначения, я не знаю, а барон в ответ на вопрос хмыкнул и ничего не сказал. Так что, группа "Алеф" – это теперь мы с Варей. Группа "Бейт" – Воленька Игнациус и незнакомая мне девица из Смольного института, а группу "Зайн", седьмую и последнюю в списке, составили Николка Овчинников со своей кузиной Маринкой. После окончательного утверждения списков все мы получили блестящие, никелированные двустольные пистолеты "Дерринджер" под мощный смит-вессоновский револьверный патрон с выгравированными литерами своей группы. У нас с Варей это "Алеф", похожая одновременно и на кириллическую "Ж" и на латинскую "N".

Когда барон вручал нам оружие, собрав всех в небольшом зале на первом этаже учебного корпуса, я на миг почувствовал себя членом то ли масонской ложи, то ли тайного ордена, проходящего церемонию инициации.

Впрочем, так ли уж сильно я ошибся?

VI

Англия, Лондон.

Группа "Алеф" на задании.

За окнами – Лондон, 1888 год. Столица Империи, над которой не заходит солнце. Викторианская Англия, времена Шерлока Холмса, детей капитана Гранта и диккенсовских персонажей. Мир паровых машин, угля, клёпаного железа и первой промышленной революции.

Что приходит в голову, когда речь заходит о Лондоне? Футбольный клуб "Челси", колесо обозрения на берегу Темзы, Вестминстерское аббатство, Тауэрский мост и... туман.

Это не тот экологически чистый продукт, слегка сдобренный бензиновой, стандарта Евро-5, гарью и ароматами "Макдональдса", который вдыхает житель двадцать первого столетия. Туман викторианского Лондона – густая смрадная субстанция цвета горохового супа – поражал все органы чувств, заставляя горько пожалеть, что вы явились в этот город, в эту

страну, и вообще родились на этот свет. После такого не придёт в голову сетовать на неблагоприятную экологию какого-нибудь Кемерово, Череповца или, скажем, Пекина.

"... здесь что, поблизости большой пожар?"

О нет, мистер! Здесь поблизости Лондон."

В наше время житель мегаполиса почти не знаком с запахом угольной гари – если, конечно, не живёт неподалёку от металлургического комбината или угольной ТЭЦ. Раньше так пахло в вагонах поездов дальнего следования, где углём топили титаны-водонагреватели. А в старом Лондоне уголь повсюду – от паровоза до чугунной кухонной печки. Его пыль скрипит на зубах; он вторгается в дома печной копотью и каминной гарью. Порой его запах перебивает едкая вонь дёгтя, креозота и неистребимое амбре конского навоза. Мостовые усыпаны конскими яблоками; повсюду шныряют мальчишки с корзинами. Они собирают эти отходы жизнедеятельности и продают их по домам.

Из здания вокзала Виктория вышли в сумерках, и Иван сразу же стукнулся лбом о фонарный столб. Больно было ужасно, а ещё больше – обидно: никак не ожидал, что окажется в положении героя немой комедии. Но он и правда, не заметил этого треклятого столба! Фонарь где-то далеко вверх светил тусклым жёлтым светом, с трудом рассеивая вязкую мглу; из неё зыбкими тенями появлялись то люди, то нелепые, на паре высоченных колёс, повозки, называемые "кэбами". Они занимали в Лондоне нишу такси.

Были и автобусы, точнее омнибусы – громоздкие двухэтажные экипажи, запряжённые парой лошадей. В омнибус набивалось человек по тридцать, и оставалось только удивляться: как несчастные савраски не околевают под таким грузом?

А ещё – в Лондоне, оказывается, есть метрополитен! Если можно, конечно, назвать этим словом закопченные, душные, провонявшие угольной гарью катакомбы, где под низким потолком покрытым наслоениями копоти, непрерывно клубится дым. А как иначе, если поезда в Лондонской подземке ходят на паровой тяге? Иван с Варей рискнули спуститься на станцию – и выскочили наружу, как ошпаренные, а потом долго глотали свежий воздух. Впрочем, какое там – "свежий"? Туман...

Пропитанный копотью, он оставлял серый налёт на одежде, и оставалось только удивляться, как это лондонцы ходят в крахмальных сорочках, с кипенно-белыми манжетами. А если провести пальцем по любой поверхности, как на нём тут же оставался чёрная каёмка – копоть, всюду копоть!

"Сюда бы фанатов стимпанка из двадцать первого века, – бурчал Иван, ожесточённо откашливаясь. – Понюхали бы, в буквальном смысле, чем пахнет их любимый мир угля-и-пара..."

В гостинице, в десятке кварталов к западу от вокзала Виктория, куда группу "Алеф" доставил опасно раскачивающийся на ходу кэб, дышать было ещё труднее. По всему дому чадили свечи и отвратительные, опасные приспособления, называемые "газовыми рожками". В них горел светильный газ – тоже, как выяснилось, продукт перегонки угля. В каждой комнате имелся камин, который разжигала унылая горничная в платье мышиного цвета; рядом с камином, на плетёном коврик стояла корзинка с углём и кованая из меди лопаточка. Иван с трудом подавил желание потребовать убрать осточертевшую субстанцию из своего номера. Уголь так уголь. Это, как ни крути, основа здешней цивилизации. Пусть будет уголь.

В гостинице – здесь это называлось "пансион" – они сняли два двухкомнатных номера, отдельно для Ивана и отдельно, для его спутницы. О том, чтобы поселиться в одном, разумеется, не могло быть и речи, они и без того всю дорогу ловили на себе недоумённые, порой осуждающие взгляды. Молодой человек и барышня, путешествующие вдвоём, без взрослых, без слуг – такое воспринимается добропорядочными британцами как скандальное нарушение всех возможных приличий. Спасал статус приезжих из дикой Черногории – чего ожидать от невоспитанных аборигенов? Странный акцент, дурные манеры – кому ещё придёт в голову

таскать на поясе страховидный тесак в обшарпанных ножнах? Ваня, как мог, отбрыкивался от экзотического аксессуара – лучше бы оставили штатный "Дерринжер", – но инструктор, готовивший группу "Алеф" к переброске настоял на своём. По его словам выходило, что мужчины из рода черногорских господарей не выходят за порог без верного гайдуцкого ножа.

Костюм Ивана состоит из кургузой суконной курточки и шаровар, заправленных в нелепые кожаные приспособления на медных застёжках, называемые "крагами". Их полагается носить поверх башмаков. Инструктор объяснил, что это так называемый "охотничий" стиль, приправленный, с учётом разработанной для ребят легенды, черногорским колоритом. Пресловутый ножик полагалось пристроить за широкий кушак из плотного тёмно-бордового шёлка. Чтобы надеть такой аксессуар, надо было обернуть его вокруг талии несколько раз – при этом владелец кушака вертелся волчком, поднимая руки, а добровольный помощник стоял в другом углу комнаты, держа конец шёлковой полосы натянутой. Свободный конец, украшенный золотой кисточкой, следовало заткнуть за намотанную вокруг пояса ткань.

Варя облачилась в дамское платье викторианского стиля, – башмаки, подвязки, корсет, многослойные юбки и уйма разнообразных штучек, в которых сам чёрт ногу сломит. Юноша подозревал, что спутница люто завидует его сравнительно удобному и практичному костюму особенности дамского гардероба позволяли заподозрить местных кутюрье в садистских склонностях. Иван с опозданием сообразил, что истинная причина того, что его спутница огрызалась всю дорогу от Портсмута до Лондона именно в деталях туалета, напоминавших пыточные приспособления. К концу дня Варя напоминала разъярённую до состояния невменяемости сиамскую кошку, готовую вцепиться в кого угодно просто за косой взгляд.

Но ничего, думал Иван, это всё можно пережить – и смог, и уголь, и неудобную одежду. Они в Лондоне, и остались сущие пустяки: отправиться на Сент-Джеймс стрит, зайти в дом номер тридцать семь и спросить: "Это у вас собираются обедать сэр Рэндольф Черчилль и сэр Артур Худ? Нам, видите ли, непременно надо послушать, о чём они будут беседовать..." И постоять четверть часика за портьерой, которую укажет заранее подкупленный лакей.

Шутки шутками, а делать-то что? Никакого "элементарно, Ватсон" пока в голову не приходит. Остаётся махнуть на всё рукой и надеяться, что правило "утро вечера мудренее" действует и в столице Британской Империи. Будет утро, будет овсянка на завтрак (или это тоже выдумки авторов романов об английской жизни?), и тогда, может, рассеется, наконец, туман?..

А вот взять отправиться с утра, по известному всему миру адресу! Конан Дойль уже публикует рассказы о Шерлоке Холмсе; если верить знаменитому писателю, великий сыщик живёт сейчас один – его неизменный спутник и жизнеописатель женился и съехал с Бейкер Стрит. Куда было бы проще – деньги есть, предложить Холмсу щедрый гонорар, сочинив предварительно эффектную историю в стиле "Скандала в Богемии" – глядишь, знаток и создатель дедуктивного метода и поможет группе "Алеф" справиться с головоломной задачей? Жаль только, Холмс – персонаж вымышленный, а доктор Джозеф Белл, с которого Конан Дойль списал своего героя, вряд ли возьмётся за столь сомнительное поручение.

Постойте, что-то в этой мысли есть! От волнения Иван вскочил с постели и забежал по комнате. Что он знает о Шерлоке Холмсе? Дедуктивный метод... химия, скрипка... Вот оно: великий сыщик всю жизнь пользовался услугами целой армии малолетних помощников – уличных мальчишек, газетчиков, чистильщиков обуви, рассыльных. Рассыльных, конечно же! Они здесь при каждой лавочке, при каждом магазине – готовы доставить на дом покупку, которая не помещается в кармане. Кроме того, есть особая категория рассыльных, в форменных куртках, лампасных брюках и смешных круглых шапочках с номерами. Этих можно нанять возле отеля на улице, или в специальной конторе. Рассыльный передаст письмо, документы, доставит посылку, букет цветов даме. Он безлик, его не замечают до момента, пока не придёт время давать чаевые – но именно поэтому его и пускают куда угодно. Конечно, в клуб рассыльному

вряд ли позволят войти, предложат передать через швейцара, но если сочинить убедительную отмазку, вроде "велено непременно лично в руки"...

Ладно, пора спать. А завтра что-нибудь обязательно придумается.

VII

Из дневника гардемарина Ивана Семёнова.

Начало ноября, октября, суббота, вечер, Елагин остров. День выпал длинный и на редкость насыщенный. После занятий мы долго гуляли по парку, а потом устроились в гостинной и проговорили чуть ли не до полуночи. К чему нас готовят? Какая миссия будет первой? Во Франции, где недавно провернул непростую операцию сам Корф? В Германии? Может, в какой-нибудь другой европейской стране?

В итоге, мы так ни до чего и не договорились. Спать хотелось зверски; когда мы покинули гостиную и разошлись по своим комнатам, на часах была уже половина первого ночи.

Комнаты у нас отдельные, делить их с соседом нет необходимости. Мы вообще мало общаемся с однокашниками – напарники по группам, разумеется, не в счёт. Учебные программы индивидуальные, за исключением общеобразовательных уроков – впрочем, мы с Николом и Воленькой от них избавлены и отдаём это время, по большей части, физподготовке.

Корф как-то обмолвился, что собирается расширить курсы, набрав талантливых учеников столичных гимназий и кадетских училищ. Но до этого пока далеко, и первым выпускникам, то есть нашим группам сперва предстоит доказать, что идея подобного учебного заведения имеет право на существование. И сделать это можно только на практике, а значит – с замиранием сердца ждём первого задания. Если верить туманным намёкам барона – ждать осталось уже недолго.

Осеннее утро выпало на редкость тихим и тёплым – бабье лето, да и только. На часах половина восьмого утра, занавески раздвинуты, столб света падает на изголовье кровати.

Я подошёл к распахнутому окну. В парке орала звонкая птичья мелочь – будто в густой листве колыхалась завеса стеклянных иголок. Сильно, терпко пахло сосновой смолой, и липы по обеим сторонам аллеи, ведущей к учебному корпусу, стояли дымные, светло-зеленые. Солнце ярко вспыхивает на окнах; я рассмеялся – так было радостно в это утро! – и как был, в синих боксерах, выскочил в окошко и припустил вокруг домика, к озеру. Завтрак начинается половине восьмого, и можно успеть окунуться в воду, вместо того, чтобы лезть в душ.

Озерко в нашем парке крошечное, но проточное, и вода в нём всегда ледяная, особенно, подальше от берега, там, где бьют ключи. Октябрь на дворе, купальный сезон давно закрыт. Тем не менее, я дважды переплыл озеро и как был, не вытираясь, босиком, побежал назад. От флигеля уже тянулись курсанты и курсистки – завтракать здесь принято в столовой, расположенной в главном корпусе. Это пообедать или поужинать можно в своей гостинной, взяв из столовой "на вынос" блюда в жестяных ванночках. Тут их называют смешно, на старомодный манер – "судки".

Когда я влетел в комнату, стрелка уже подползала к восьми. Натянув широкие "спортивные" шаровары и гимнастёрку, я попрыгал на одной ноге, зашнуровывая туфлю. Мелькнула мысль, что стоило бы одеться поофициальнее – всё же предстоит визит в преподавательскую. Конечно, Корф не слишком-то гоняет нас в плане формы одежды, но мало ли кто ещё туда заглянет? Да и Морской Корпус приучил в этом плане к строгости и порядку.

Из гостинной доносились ароматы кофе – кто-то из курсантов воспользовался установленной в углу жаровней с белым кварцевым песком и медными чеканными турками. Эту моду принесли сюда мы с Николкой – в России конца девятнадцатого века практически не известен подобный метод приготовления ароматного напитка. Я звучно сглотнул – кофе хотелось чрезвычайно, – и выкатился на крыльцо. Может, барон сжалится и нацедит чашечку?

Сколько раз говорил себе: доверяй интуиции! Кроме Корфа в преподавательской присутствовало ещё двое – оба в строгих, с блестящими пуговицами, гвардейских мундирах. Барон был, как всегда безукоризненно подтянут, убийственно элегантен – и столь же убийственно презрителен по отношению к мельчайшей неопрятности. Ни слова упрёка, как можно – но взгляд его жёг меня не хуже крапивы. Я попытался сделать вид, что ко мне это не относится и поджал ноги под стул, пряча пыльную обувь.

Варя украдкой показала мне язык – она-то была в длинной юбочке из красно-коричневой шотландки и тёмно-синей, на манер школьниц двадцатого века, жилетке. Я чуть заметно пожал плечами – ну виноват, виноват. Исправлюсь.

Вообще, эти двое суток на Елагиных курсах – чуть ли не единственное время, когда я могу не заморачиваться одеждой предков, позволяя себе некоторые вольности. Возьмём, к примеру, сорочки. Здесь их надевают как старые солдатские гимнастёрки, через голову – привычные, застёгивающиеся спереди по всей длине, появились только в начале двадцатого века, в Америке. Те, кто победнее, носят не сорочки, а манишки – особые нагрудные вставки, которые пришиваются или пристёгиваются к внутренней части пиджака или сюртука. С этим аксессуаром приходится быть осторожным – не дай Бог, сделаешь резкое движение, и манишка отстегнётся, сомнётся складкой, завернётся вверх. Выглядит это на редкость нелепо.

А воротнички? Не понимаю, как люди могут по своей воле обрекать себя на такую пытку! Воротнички пристёгиваются особыми штучками – "запонками". Из накрахмаленного белого полотна, пяти сантиметров в высоту, со стоячими кончиками, воротнички безжалостно, в кровь, растирают шею. Кроме них к костюму непременно полагаются манжеты, тоже на запонках. Они порой заменяют записную книжку: на крахмальном манжете можно нацарапать пару слов карандашом. Хоть какая-то польза от бестолкового аксессуара...

Обувь: тесные чёрные ботинки с узкими носам, порой с суконным верхом – для города. Другие, посвободнее, коричневые, с закруглёнными носами – для сельской местности. Парусиновые прогулочные туфли, вроде тех, что на мне сейчас, вполне удобны, но в городе в них ходить не принято. Ну и сапоги, разумеется – особенно, когда собираешься на верховую прогулку. Этому нас здесь тоже учат, и надо было слышать проклятия, которые адресовала Варвара "дамской" посадке – боком, в особом седле и платье-амазонке.

На улице шагу нельзя не ступить на улице без головного убора. Котелки, цилиндры, соломенные шляпы-канотье, британские кепи и каскетки. Помните, как в сериале про Шерлока Холмса? Вот такие же, с одним или двумя козырьками; к нижнему канту крепится шёлковый шнурок, при ветреной погоде его пристёгивают к пуговице сюртука или пальто.

И – перчатки! Это обязательно, вне зависимости от погоды, появиться на улице с непокрытой головой и без перчаток – дурной тон, все равно, что выйти из дома без одежды. Тонкие кожаные на каждый день; из белого или светло-бежевого шёлка при параде; из толстой кожи или замши для верховой прогулки. А трости, стеки, зонтики – никто не ходит с пустыми руками! В трости могут скрываться стилет или короткая шпага. Или не столь опасный секрет: стеклянная колба с виски, миниатюрная подозрительная труба, часы-луковица или даже перьевая ручка с чернильницей. Чего только люди не придумают!

Что до Вариных "взрослых" дамских нарядов – тут я умолкаю. За что ей такие мучения? Хотя не стану отрицать, выглядит она в них очень даже привлекательно...

– Итак, молодые люди, – заговорил один из гостей, – Вот вы и дождались своего часа. Регулярные занятия на курсах продолжаются согласно утверждённого плана, однако три группы мы вынуждены снять для выполнения срочного задания. Основной будет группа "Алеф" – она проявила себя лучше других, да и навыки... хм... по основной специальности у них посолдиднее.

Я ухмыльнулся – про себя, разумеется. То, что деликатно названо "навыками по основной специальности" – не что иное, как умение владеть записывающей, подслушивающей и прочей аппаратурой, доставленной из двадцать первого века. Разумеется, тут я серьёзно опережаю однокашников из других групп, да и напарницу успел поднатаскать.

...а потому, принято решение, – продолжал меж тем гвардеец, – дать вам шанс проявить себя не в учебной миссии, а в настоящем деле.

– И дело это нешуточное. – подхватил Корф. – Недавние события в Африке... – тут он многозначительно глянул на меня, – привели, к тому, что нашему противнику достались некие артефакты. Мы выяснили, что в скором времени они будут перемещены из нынешнего хранилища на Британских островах куда-то ещё, скорее всего, в континентальную Европу. Ваша задача – выяснить, куда именно.

Я понимающе кивнул. Разумеется, речь идёт о хрустальной статуе "тетрадитуса", добытой отцом в джунглях Центрального Конго и потом похищенной ван дер Стрейкером, отчаянным авантюристом, работающим на британскую военно-морскую разведку. Правда, толку англичанам от этой добычи немного: чтобы заставить статую ожить, требуются иные приспособления, а их-то отцу удалось сохранить. Но ведь и нам теперь от них никакого проку, во всяком случае, пока с "тетрадитусом" остаётся у англичан.

Значит, пока мы тут учились сами и учили других, агенты Д.О.П. вышли на след таинственного артефакта – и теперь мы, группа "Алеф", должны закончить работу? Отец, узнав об этом, наверняка обрадуется – в конце концов, разве не предстоит мне исправить его упущения, в результате которых драгоценная добыча попала в руки наших оппонентов?

...а кофе мне так и не предложили...

VIII

Англия, Лондон Сент-Джеймс стрит

Группа "Алеф" на задании.

"Рано утром, до того как трубы зданий и фабрик, железнодорожных машин и пароходов успеют заполнить воздух дымом, Лондон представляет необычное зрелище. Он выглядит чистым". - писал немецкий путешественник, и был прав. К утру туман над городом рассеялся. Запахи никуда не делись, но стали не такими пронзительными: сырая мгла впитывала их, накапливая, обволакивая людей лондонским амбре. Над крышами показалось бледное солнце; улицы наполнились гомонящей публикой, повозками, кэбами, омнибусами.

– Ещё рано идти на Сент-Джеймс стрит. – сказала Варвара, подбирая юбки, чтобы перепрыгнуть через очередную навозную кучку. – Сейчас утро, в клубе, наверное, никого.

Иван задумался. Резон в этом был: вряд ли лондонские джентльменские клубы похожи на ночные заведения Москвы двадцать первого века, но по утрам жизнь замирает и здесь – завсегдатаи разъезжаются, персонал отдыхает от трудов праведных, и одни только уборщики возятся в клубных гостиных и курительных комнатах.

– Давай, хотя бы пройдемся мимо, приглядимся, что к чему? До вечера времени вагон, устроимся потом где-нибудь, и в спокойной обстановке всё хорошенько обдумаем. Считай, что это у нас с тобой экскурсия с осмотром достопримечательностей.

– Достопримечательности! – скривилась напарница. – Лучше бы улицы убирали нормально, а то развели грязь...

Лондон стал первым английским городом, который они рассмотрели вблизи. Портсмут не в счёт; его видели только из кэба, по дороге на вокзал.

"Видимо, – думал Иван, вышагивая по замусоренному тротуару, – внешнее благополучие, сытость и чистота европейских городов появились только в двадцатом столетии. А улицы этого Лондона мало отличаются от трущоб Мумбая. Тесные, заваленные навозом улочки,

невообразимая грязь. Запущенные, некрасивые дома, неблагополучные, болезненные лица. На перекрёстках и площадях толпятся бедно одетые люди, бродяги в поисках случайного заработка. Тут же бесчисленные торговцы всякой мелочёвкой, продавцы печёного картофеля и овощей. Точильщики, чистильщики обуви, стайки мальчишек, которых не назовёшь иначе, как беспризорниками. Лондон. Столица величайшей Империи Мира. Средоточие цивилизации. Глаза б на него не глядели..."

Сзади раздалось бряканье колокольчика и протяжное "Старье берем! Старье меняем!" Юноша обернулся – кричал старый еврей, погонявший лошадь. Убогая повозка завалена проломанными настенными часами, разваливавшимися стульями, вылинявшей одеждой, разношенной обувью, гнутыми каминными щипцами, куклами без волос. Повозку облепили дети, и старьевщик отдавал за доставленный хлам яркие книжки, бумажные фонарики, шарики из зелёного бутылочного стекла – бросовые сокровища, способные покорить детские сердца.

Стоило тележке старика-еврея тронуться с места, как её сменила другая, собиравшая металлический лом. Ею управлял коренастый рыжеволосый тип с обветренным до красноты лицом. Он кричал, оповещая о своем прибытии:

"Утюги, сковородки, кочерги! Кружки, миски, ложки! Железные обода! Есть старые подковы? Ненужный металл? Скорей неси сюда!"

Варя раздражённо фыркнула, уловив волну запахов, которые распространяла тележка уличного торговца рыбой. Дары моря там были навалены грудой, и по тусклой чешуе ползали крупные зеленоватые мухи. Но ни сам разносчик, ни покупатели не обращали на них ни малейшего внимания. Вот покупательница в высоком чепце, юбке из клетчатой шерсти и блёкло-коричневом жакете, подошла к лотку; хозяин лениво помахал над прилавком рукой – мухи снялись гудящим облаком и повисли над лотком. Женщина повторила его жест, и принялась перебирать товар. Мальчишка лет десяти, тащивший следом за ней огромную корзинку, наблюдал за мушиным роем, ковыряясь в носу.

Девушку передёрнуло.

– Пошли, Вань... – она вцепилась в локоть спутника. – Сент-Джеймс стрит в четырёх кварталах отсюда, пойдём скорее, ну их всех...

"Это она зря, – подумал Иван, послушно прибавляя шаг. – Ну, мухи и мухи – а то над лотками московских разносчиков их мало! И ведь ничего, не обращали внимания, и даже пирожки у них покупали и ели тут же, на улице..."

Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс стрит, расходящиеся от Сент-Джеймского дворца, разительно отличались от неухоженных улочек, что тянулись всего в нескольких кварталах отсюда. Здесь был настоящий, имперский Лондон – чистые мостовые, строгие, как министры, констебли, великолепные лошади в дорогих экипажах. Район слыл джентльменским оазисом, оплотом холостяцкой жизни лондонского общества. Его так и называли: "Клабленд". Тринадцать джентльменских клубов, оплот традиций политической и общественной жизни лондонской элиты. Точнее, мужской её части – женщинам в заведения Клабленда хода нет.

Клабленд начинается от площади Ватерлоо, у мемориала гвардейцам, погибшим в Крымской войне. Фигуры в громоздких шинелях и лохматых медвежьих шапках напомнили Ване партизан двенадцатого года – только вил и топоров не хватает! Рядом с солдатами – Флоренс Найтингейл, первая, если верить британским историкам, профессиональная сестра милосердия.

Иван напомнил себе, что фигуры отлиты из бронзы русских пушек, взятых в захваченном Севастополе. А это весьма злободневно, если вспомнить недавний визит в Портсмут – во время Крымской войны, английская эскадра тоже заявила на Балтику. Её пушки громили деревеньки и мызы на берегах Финского залива, но попытки штурма Свеаборга и Кронштадта

с треском провалились – англичане, не решившись лезть на минные банки, под огонь береговой артиллерии, убрались восвояси.

Памятник гвардейцам остался позади, Иван и его спутница ступили на мостовые Клабленда. Именно здесь – средоточие лондонской политики: "Реформ-клуб" лейбористов и оплот их политических недругов, консервативный "Карлтон-клуб". А неподалёку – "Клуб Путешественников", членам которых вменялось в обязанность хотя бы раз в год удаляться от Лондона не менее, чем на пятьсот миль. Другая достопримечательность этого клуба – комната, под названием "Кофейная", единственное место в клубе, где нельзя пить кофе.

Готовясь к заданию, Иван закачал на планшет массу полезных материалов, в том числе – справочник "Дебре", пособие по британскому этикету. И за завтраком успел пробежать раздел с рекомендациями тем, кто хочет вступить в клуб или посетить его в качестве гостя:

"...Если вы уже стали членом клуба – примите наши поздравления, однако не стоит привлекать излишнее внимание к этому. Даже если клуб входит в число знаменитых – сообщать о своем новом статусе полагается как бы между прочим, спокойно, слегка небрежно.

Если вы пригласили в клуб гостя, имейте в виду, что он может быть не знаком с его правилами, и лучше рассказать о них заранее. Встречайте гостей у входа, а еще лучше, приходите вместе с ними. Если же пригласили Вас – лучше заранее уточнить у приглашающего нюансы.

Недопустимо обсуждать в публичных беседах доходы, семью, детей; о политике тоже лучше не говорить, для этого есть специально отведенное время и место. Не стоит так же блистать неумеренным остроумием. О чем же говорить, о погоде? Как ни удивительно, но именно о ней. Погода – очень важная тема для, и ее можно обсуждать с различными нюансами и примерами, не боясь никого задеть..."

Что и говорить, чрезвычайно полезно! Осталось найти того, кто даст ему рекомендации – а это, с учётом аристократических традиций клуба, проходит по разряду ненаучной фантастики. Недаром лорд Дизраэли, (он был премьер-министром Соединённого королевства во время Балканской войны 1877-78 годов, и вырвал у России плоды победы, послав в Мраморное море броненосную эскадру), как-то сказал: "есть только две вещи, над которыми англичанин не властен – это статус рыцаря Ордена Подвязки и членство в White's." Некоторые ждут заветного членства по четверть века – и не всегда дожидаются. Не помогают ни благотворительные взносы, ни обеды с представителями королевской фамилии. По каждому кандидату голосуют в особой книге; заветные двери открываются только по единогласному решению действительных членов клуба.

В White's закрыта дорога тем, чья биография запятнана коммерцией, бизнесмены здесь не в почёте. А вот британское подданство не обязательно, другое дело – принадлежность к узкому кругу выпускников Итона или Оксфорда.

White's находится в конце Сент-Джеймс-стрит, у самой Пикадилли. У входа старейшего из лондонских клубов нет, разумеется, никакой таблички или вывески. Лишь неприметная дверь и лестница в несколько ступеней за лёгкой решётчатой оградой, отделяющей крохотный палисадник от тротуара. Иван с Варей прошли мимо, слегка замедлив шаг. Никого – ни швейцара, ни привратника, только бронзовое кольцо дверного молотка на тёмной дубовой двери.

Напарники дошли до перекрёстка с Пикадилли и так же неспешно направились назад. Иван чувствовал себя чрезвычайно глупо – сколько ещё бродить туда-сюда, изображая праздную парочку? А в голове пусто, хоть ты тресни – одни только наставления из "Дебре":

"...Привычным развлечением джентльменов – членов клуба бы являются пари, порой довольно забавные, условия которых тщательно заносятся в огромный фолиант, хранящийся в библиотеке. Из нее можно узнать, например, что два джентльмена однажды поспорили на три тысячи фунтов о том, какая из двух капель на окне упадет первой, а пари двух других

касалось того, за сколько ударов клюшкой для гольфа один из них, член парламента, докатит мяч от Английского банка до дверей клуба. В итоге докатил за 197 и выиграл пари. Это не так глупо, как может показаться стороннему наблюдателю: подобное лишенное прагматики, но не азарта провозждение времени свойственно в принципе высшему классу, что вызывает в памяти известные слова Ницше о том, что должен быть назван рабом тот, кто не располагает двумя третями дня для себя лично.

Рассказывают, что некий джентльмен, только что избранный членом White's, поинтересовался однажды, открыт ли бар, на что получил следующий исчерпывающий ответ: "Благословите мою душу, сэр, этот бар не закрывался последние 200 лет". Традиции стоят дороже денег – вот та мораль, которую выносим мы, заглянув в White's; можно сказать больше: нечто становится традицией тогда, когда не продается..."

Постойте-постойте!.. Пари, ну конечно! "Дебре" приводил список самых известных пари, заключённых в White's., и одно из них как раз датируется сегодняшним числом.

Иван, как назло, не запомнил подробностей. Что-то насчёт записи в клубной книге и рассылного, который должен сообщить результаты пари. Рассылный, точно! Нестерпимо зачесались руки – так хотелось вытащить планшет и открыть нужный файл. Нет, нельзя, сперва надо найти местечко поукромнее, и уж там...

Стоило им поравняться с особняком White's, как из неприметного переулка, вынырнул малый лет пятнадцати, в фирменной куртке и шапочке с номером "двенадцать", и быстрым шагом направился в сторону площади Ватерлоо. Иван заглянул в переулок – так и есть, скромная дверь без крыльца. Служебный вход? Он с трудом подавил в себе желание дёрнуть за ручку двери.

– Варь, давай скорее, вон за тем типом! Я, кажется, знаю, что делать!

IX

*Россия, Санкт-Петербург, Елагин Остров
Незадолго до событий в Лондоне*

...надо найти способ подобраться поближе к одному высокопоставленному джентльмену. – неторопливо говорил Корф. – Зовут его лорд Рэндольф Черчилль, и по нашим сведениям он в курсе всего, что происходит с интересующим нас... э-э-э... предметом. Дело в том, что именно лорд Рэндольф курирует деятельность "Братства Золотой Зари", тайного общества, непосредственно вставлявшего палки в колёса в африканских делах господина Семёнова, вашего, Иван, батюшки. И есть основания полагать, что ван дер Стрейкер действовал по их наущению.

– Значит, статуя тетрадигитуса сейчас у этой самой... "Золотой Зари"?

– негромко осведомился один из гвардейцев. Корф представил его, как ротмистра Нефёдова.

Корф усмехнулся.

– В том-то и дело, что пока нет – к вящему неудовольствию господ эзотериков и в особенности некоего мистера Мак-Грегора. Есть там такой

– идеолог этой компании и, если верить донесениям наших агентов, готовый буйнопомешанный.

– Странно, что сэр Рэндольф допускает подобных типов к серьёзным делам. – недоверчиво покачал головой Нефёдов. – Я-то полагал его весьма прагматичным и разумным господином.

– Похоже, у него не было другого выхода. Общество "Золотой Зари" – движущая сила всей этой интриги: это они добились от английской разведки послать ван дер Стрейкера по следам вашего, Иван, батюшки, и они же, как я понимаю, следили за покойным профессором-археологом.

– Вы о том немце из Александрии? – уточнил кавалергард.

– Да, герр Бурхардт, хранитель собрания редкостей египетского хедива – ныне, увы, покойный. Он погиб при взрыве подземелья, при нападении людей. Большая потеря для нас. Хорошо хоть, ваш батюшка, – кивок в сторону Ивана, – уцелел сам и сумел вынести записи, позволившие обнаружить статую и прочие артефакты.

Ваня кивнул в ответ. Отец давно успел посвятить его в детали своей африканской эскапады. Варя сидела в кресле, тихая, как мышонок, и исподволь рассматривала беседующих.

– Так вы хотите, чтобы наши юные друзья подобрались не к сэру Рэндольфу, а к этому... Мак-Грегору? Или, не приведи Бог, к самому ван дер Стрейкеру? Не слишком ли это опасно – соваться прямо в зубы такому волчаре?

Барон покачал головой

– Нет, на этот раз именно к лорду Рэндольфу. Я могу только догадываться о его соображениях, но факт есть факт: заполучив в свои руки статую, этот джентльмен всячески уклонялся от того, чтобы передать её "Золотой Заре" – хотя по нашим сведениям у них была договоренность на этот счёт.

– Не доверяет?

Корф усмехнулся.

– А вы бы доверились подобным личностям? Полагаю, лорд Рэндольф нашёл своих специалистов, и лишь после того, как они потерпели неудачу, вынужден был вернуться к договоренностям с "Золотой Зарей".

– Но зачем куда-то перемещать статую? – не сдавался кавалергард. Не получилось у этих самых "своих специалистов" – ладно, случается, прогнали бы их в шею и допустили бы к тетрадитусу МакГрегора с Уэскоттом. А тут нагородили огород с перевозом статуи неизвестно откуда неизвестно куда...

– Вы правы, ротмистр. – согласился барон. – Признаться, я тоже не совсем понимаю, что движет сэром Рэндольфом. Но ясно одно: чем бы он не руководствовался, это даёт нам шанс, который нельзя упускать.

И все трое посмотрели сначала на Ивана, потом на его спутницу. Члены группы "Алеф" немедленно почувствовали себя неловко. Как на экзамене, что ли?

– Позвольте вопрос, барон?

Корф согласно кивнул.

– Разумеется, гардемарин.

– Господин ротмистр только что упомянул, что лорд Рэндольф человек прагматичный и разумный, верно?

– Точно так. – кавалергард нахмурился. – А что вы, юноша, имеете против?

– Нет, ничего. – Иван выпрямился в кресле. Неловкость как рукой сняло. Великое всё же дело – знание будущего... – Просто я вспомнил некоторые необдуманные решения, принятые его сыном на разных ответственных должностях. Одни приключения в Южной Африке чего стоят, а уж Дарданелльская операция или безумная идея послать на Балтику, в помощь Финляндии, покрытые слоем бетона линкоры! А вы говорите – прагматичный...

– Ах вот вы о чём! – Корф негромко рассмеялся и сделал успокоительный жест кавалергарду, который недоумённо смотрел то на Ивана, то на самого барона. – Не волнуйтесь, ротмистр, я вам потом всё объясню. Да, пожалуй, я вас понимаю, гардемарин. Конечно, юному Уинстону сейчас всего пятнадцать лет, и он безуспешно борется с дисциплиной в колледже

Харлоу но... Может, вы и правы, юноша, такие моменты тоже следует иметь в виду при планировании нашей операции. Яблочко от яблони, знаете ли...

Из дневника гардемарина Ивана Семёнова.

...в этой миссии, кроме нас, будут задействованы ещё две "литерные" группы из числа проходящих подготовку на Елагиных курсах: "Бейт" – Воленька Игнациус со своей напарницей Настей Туголуковой (та самая смолянка), и "Зайн", в которую входит Николка и его кузина Марина Овчинникова. Последняя, по словам инструкторов, продемонстрировала недюжинные успехи в стрельбе из винтовки. Для неё я позаимствовал у отца его "Лебел" с оптическим прицелом – и не местной длиннющей латунной трубкой, а мощным, с переменной кратностью и просветлённой оптикой, оптическим прицелом, который отец ещё на заре нашей "деятельности" вывез из двадцать первого века. Винтовка эта вместе с нами путешествовала в Сирию, а потом каким-то чудом уцелела во время его африканской эскапады.

Впрочем, надеюсь, до подобных крайностей дело не дойдёт. "Бейт" и "Зайн" ступят на берег туманного Альбиона позже нас; одна из групп составит резерв, вторая же – будет нас дублировать и страховать по ходу операции. А пока – до старта чуть больше двух недель, все шестеро старательно зубрят легенды, подготовленные спецнами из Д.О.П. и Министерства иностранных дел, а так же подбирают снаряжение. Николка, кроме того, занимается со мной и Варей черногорским языком. Сам он выучил его, благодаря матери – та, пока была жива, дома говорила с сыном исключительно на родном наречии. Разумеется, никто не ожидал, что мы от в овладеем языком за оставшееся время – достаточно выучить десяток-другой фраз. Да и трудно ожидать, что в Лондоне вот так, с ходу, найдётся кто-то, способный отличить черногорский язык от сербского или русского.

За два дня до отправления нас, всех шестерых, собрали в зале на первом этаже учебного особняка. При разговоре кроме Корфа опять присутствовал ротмистр Нефёдов, назначенный руководителем операции прикрытия. Предполагается, что мы не увидим ни ротмистра, ни его подчинённых – а вот они в свою очередь ни на миг не выпустят нас из поля зрения. Что ж, с одной стороны приятно чувствовать за спиной незримую поддержку. А с другой...

Я набрался наглости и рискнул высказать барону свои сомнения. Нет, я не ставил под вопрос профессионализм ротмистра и его сотрудников – но поймите меня правильно, это всё же не оперативники ГРУ или КГБ, собаку съевшие в тайных операциях. Навык не тот – а вот англичане будут работать на своей территории, где знают буквально всё. Что, если негласная опека, вместо того, чтобы обеспечить группу поддержкой, наоборот, засветит нас?

Барон тяжело задумался – и с ходу перекроил планы. Теперь команда Нефёдова, вместо того, чтобы "топтать" (его собственное выражение, позаимствованное, надо полагать, у инструкторов-филеров из Третьего отделения) за нами следом, будут находиться на расстоянии пары миль от группы, имея под рукой транспорт и средства связи в виде коротковолновой рации. А поскольку возможности перехватить передачу у англичан нет и быть не может, то за надёжность связи опасаться не стоит. Можно даже выходить в эфир открытым текстом, всё равно никто не услышит.

И уже под конец инструктажа Корф окончательно уточнил для нас задачу. Добраться до сэра Рэндольфа и его коллег, выяснить, как и когда они собираются переправлять статую тетрадигитуса, а вот потом...

А дальше начинался тёмный лес. Продолжение операции придётся планировать с ходу, на коленке, привлекая к этому Нефёдова с его живорезами и обе резервные группы. Но другого шанса перехватить бесценный артефакт может и не представиться, нас не будет, так что окончательные решения придётся принимать нам, группе "Алеф"...

...помню, как Варя поджала губы и вскинула голову. Лицо её стало упрямым – я хорошо знал это выражение.

– Знаете что, господин барон? Всё это смахивает на задание из сказки. Из русской народной, про Ивана-дурака: "поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что".

В ответ на что Корф улыбнулся и развёл руками:

– Вы правы, милая барышня. Так оно и есть.

Х

Англия, Лондон.

Группа "Алеф" на задании

– Погоди, Варь... – прошипел Иван. – Я подойду и поговорю с ним, а ты понаблюдай издали.

Девушка кивнула. Она не понимала, что затеял спутник, но спорить не стала. Только недовольно поджала губки – опять её заставляют ждать...

Они проследили за рассыльным от White's до площади Ватерлоо. Иван сразу заметил кучку подростков в характерной униформе и дурацких номерных шапочках. Они сгрудились возле памятника маршалу Клайду – у основания невысокой колонны, под которой располагалась скульптурная фигура – Британия, сидящая на льве. Здесь у рассыльных было нечто вроде биржи: пока Иван наблюдал, подошло три человека, и после короткой беседы с клиентом, один из рассыльных срывался с места и убегал. Номер двенадцать сидел на бордюре у передних лап льва. Похоже, у рассыльных был установлен порядок: когда подходил очередной клиент, к нему тут же подбегал тот, чья очередь подошла, и договаривался от работе. Двенадцатый пока отдыхал – видимо, его очередь была далеко.

Когда Иван приблизился, навстречу ему вскочил щуплый чернявый паренёк с латунной цифрой "девять" на бордовой шапочке. Но "клиент" замотал головой, каркнул с чудовищным акцентом: "Нет! Нон! Найн!" – и ткнул пальцем в "двенадцатого".

Чернявый пожал плечами и слинял. За спиной Ивана захихикали другие рассыльные, потешаясь над забавным иностранцем. Затребованный "двенадцатый" подошёл, пряча ухмылку – с клиентом надо держаться почтительно, иначе не видать чаевых.

А придумал Иван вот что. В "Дебре" подробно описывалось пари, заключённое вчера в White's. Двое джентльменов поспорили о достоинствах прогулочных паровых катеров, на которых им довелось прокатиться в прошедший уикенд. Спор было решено разрешить, устроив гонку по Темзе. Сказано-сделано; за владельцами катеров послали, обговорили условия состязания, назначили распорядителя. И, как водится, сделали запись в клубном фолианте, специально предназначенном для таких целей. К назначенному часу и участники пари вместе с распорядителем и компанией любопытствующих отбыли к Вестминстерскому причалу, откуда должна была стартовать гонка.

Ничего особо примечательного в пари не было, если бы не ставка. Три тысячи фунтов – это очень, *очень* солидно даже для White's! А потому, многие из тех, кто не пожелал ехать, тем не менее, живо интересовались исходом состязания. И приехали в White's раньше обычного, в середине дня. Распорядитель гонки должен прислать рассыльного с известием, как только определится победитель.

"Дебре" сообщал, что этот рассыльный прибыл в клуб ровно в 15.23, о чём, конечно же, была сделана запись в книге. Иван поглядел на часы – стрелки показывали 14.05. Посланец с сообщением об исходе гонки придёт на Сент-Джеймс стрит через час двадцать. Обычно рассыльных в White's не пускают дальше двери чёрного хода, а письма, пакеты и прочее полагалось передавать через швейцара. Но на этот раз от правила отступят; мало того, рассыльного в библиотеку, где джентльмены, ожидающие сообщения об исходе гонки, сначала прочтут записку, а потом расспросят его самого, как свидетеля.

Оставался сущий пустяк: уговорить рассыльного уступить на пару часов свою форму. Задача непростая – что бы ни задумал клиент, рассыльный, согласившийся на такую авантюру, рискует лишиться места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.